

ИНСТИТУТ
КОМПЛЕКСНЫХ
СТРАТЕГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

Семинар
«Стратегия
развития»

ББК 65

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ В РОССИИ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОГО ОПЫТА: ВЛИЯНИЕ ИСХОДНЫХ УСЛОВИЙ, ИНСТИТУТОВ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

**Материалы семинара
«Стратегия развития»
от 2 декабря 2002 года**

**Экономический рост в России в контексте мирового опыта:
влияние исходных условий, институтов и экономической поли-
тики. Материалы семинара «Стратегия развития» от 2 декабря 2002
г. — М.:
ТЕИС, 2003. — 78 с.**

ISBN 5-7218-0488-2

**Москва
2003**

© Институт комплексных стратегических исследований, 2003

Ежемесячный научно-практический семинар «Стратегия развития» проводится Высшей школой бизнеса МГУ им. М.В. Ломоносова совместно с Институтом комплексных стратегических исследований. Тематика семинара отражает основные проблемы экономики России. Организация семинара преследует три основных цели. Во-первых, это создание еще одной «площадки» для открытого обсуждения вопросов стратегии развития страны в целом и отдельных регионов, отраслей и экономических структур. Среди участников семинара — как ученые-экономисты и эксперты, так и представители бизнеса и администрации. Семинар не имеет четкой идеологической ориентации, чрезвычайно важным для организаторов семинара является участие в заседаниях специалистов, принадлежащих к различным научным и практическим школам. Вторая задача семинара — это представление результатов дискуссий общественности, оказание влияния на общественную мысль, в связи с чем семинар открыт для представителей средств массовой информации. В-третьих, поскольку семинар проходит в Школе, он является частью учебного процесса, предоставляя студентам возможность стать участниками диалога с видными учеными, экспертами, общественными деятелями.

Информация о семинаре регулярно размещается на странице Института комплексных стратегических исследований (ИКСИ) в сети интернет

Высшая школа бизнеса МГУ им. М.В. Ломоносова (год основания — 1989) является структурным подразделением МГУ им. М.В. Ломоносова, осуществляющим полный спектр учебной деятельности. В Высшей школе проводятся следующие учебные программы: Бакалавр по направлению «Менеджмент», Магистр по направлению «Менеджмент», «Мастер делового администрирования» (МВА), корпоративные программы развития персонала. Кроме этого, в школе ведутся научные исследования по вопросам управления, проводится регулярный научный семинар «Стратегия развития», а также осуществляется управленческое консультирование российских и зарубежных компаний.

Интернет-адрес: <http://www.mqubs.ru/>

Институт комплексных стратегических исследований основан в 2000 г. с целью выработки рекомендаций по стратегическим вопросам социально-экономического развития как российского общества в целом, так и регионов, отраслей и интегрированных корпораций. Среди приоритетных задач деятельности института — проведение исследований по наиболее актуальным вопросам развития России, проведение регулярного научно-практического семинара по вопросам стратегии развития, а также подготовка на основе результатов исследований предложений по повышению эффективности государственной политики на макроуровне и в отдельных регионах и экономических структурах.

Интернет-адрес: <http://www.icss.ac.ru/>

СЕМИНАР «СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ»

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ В РОССИИ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОГО ОПЫТА: влияние исходных условий, институтов и экономической политики

2 ДЕКАБРЯ 2002 ГОДА

Выступающий: профессор Российской экономической школы в Москве, профессор Карлтонского университета в Оттаве, заведующий сектором Академии народного хозяйства при Правительстве РФ **В.В. Попов**

Ведущий: академик, директор ИМЭМО РАН **Н.А. Симония**

Руководитель семинара: директор Высшей школы бизнеса МГУ им. М.В. Ломоносова **О.С. Виханский**

УЧАСТНИКИ СЕМИНАРА

Арбатов Алексей Георгиевич, заместитель председателя Комитета ГД по обороне

Белюсов Андрей Рэмович, руководитель Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования

Вавра Андрей Вячеславович, старший референт Президента РФ

Виханский Олег Самуилович, директор Высшей школы бизнеса МГУ им. М.В. Ломоносова

Гуриев Сергей Маратович, директор Центра дополнительного профессионального образования РЭШ

Гурьянов Константин Викторович, президент АКБ «Лужники»

Дребенцов Владимир Владимирович, старший экономист отдела экономики регионов Европы и Центральной Азии Всемирного банка

Дынкин Александр Александрович, первый заместитель директора ИМЭМО РАН

Иванова Наталья Ивановна, заведующая отделом ИМЭМО РАН

Илларионов Андрей Николаевич, советник Президента РФ

Квон Гухун, постоянный представитель МВФ в России

Клепач Андрей Николаевич, заместитель руководителя Центра развития

Костилов Вячеслав Васильевич, руководитель аналитического центра ЗАО «Аргументы и факты»

Красавченко Сергей Николаевич, ректор Международного университета

Кузнецов Борис Викторович, заместитель директора Межведомственного аналитического центра

Макушкин Алексей Георгиевич, Национальный Директор по России Института Восток—Запад

Митяев Дмитрий Аркадьевич, президент Центра системного прогнозирования

Орешкин Валерий Алексеевич, директор ВНИКИ

Паппэ Яков Шаявич, ведущий научный сотрудник ИНП РАН

Семенов Сергей Павлович, директор по развитию бизнеса КРМГ

Симачев Юрий Вячеславович, начальник управления анализа и разработок ИКСИ

Симония Нодари Александрович, академик РАН, директор ИМЭМО РАН

Смирнов Станислав Романович, заместитель директора Высшей школы бизнеса МГУ

Стародубровский Виктор Георгиевич, заместитель директора МНИИПУ

Ясин Евгений Григорьевич, научный руководитель ГУ — Высшая школа экономики

Материалы семинара подготовил к публикации ***М.М. Горбанёв***

СОДЕРЖАНИЕ

Экономический рост в России в контексте мирового опыта: влияние исходных условий, институтов и экономической политики	7
Вопросы к докладчику	33
Общая дискуссия	45
Заключительные выступления	56
Приложение	61
<i>В.В. Попов</i> . Экономика — почему Россия не Китай	61
<i>В.М. Полтерович, В.В. Попов</i> . Последняя надежда	72

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ В РОССИИ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОГО ОПЫТА: ВЛИЯНИЕ ИСХОДНЫХ УСЛОВИЙ, ИНСТИТУТОВ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

В.В. ПОПОВ
профессор Российской экономической школы в Москве,
профессор Карлтонского университета в Оттаве,
заведующий сектором Академии народного хозяйства
при Правительстве РФ

Известный факт состоит в том, что Россия в последние 10 лет, к сожалению, развивалась хуже, чем не только Китай или Восточная Европа, но и чем другие страны СНГ. У нас спад продолжался почти 10 лет, и производство упало примерно наполовину, и если мы будем восстанавливаться теми темпами, что и сейчас, то только к 2010 г. мы вернемся к уровню 1989 г. (рис. 1).

За прошедшие 10 лет соотношение по ВВП на душу населения между Россией и другими странами сильно изменилось. По показателю ВВП на душу населения в текущих ценах получается, что раньше мы были самой богатой республикой Советского Союза — не по потреблению, а по производству, — а сейчас мы уже позади Эстонии — на уровне Белоруссии, Литвы и Латвии (рис. 2). Если пользоваться сравнением стран по паритету покупательной способности (ППС) за 1993 г., то получается, что сейчас мы уже сравнялись с Китаем. А по субъективному ощущению и по вектору развития Китай уже лет на 20 впереди нас, и если он сохранит прежние темпы развития еще хотя бы в течение 10 лет, то будет вдвое богаче нас по факту.

Теперь о социальной цене реформ, на которую обычно обращают меньше внимания. У нас в начале 90-х гг. был период большого увеличения преступности и смертности. Смертность возросла на 50 %, продолжительность жизни сильно сократилась, преступность, убийства и самоубийства возросли примерно на 50 % в расчете на тысячу человек населения (рис. 3). Так продолжалось до макроэкономической стабилизации в 1995 г., а потом эти показатели стабилизировались и даже несколько улучшились в 1995—1998 гг. Но после кризиса 1998 г. у нас пошла новая волна повышения и смертности, и преступности, и самоубийств. Как это объяснить? Ухудшение ситуации в начале 90-х гг. связывалось с ростом неравенства в распределении доходов, с падением реальных заработков, ростом безрабо-

тицы, падением производства. Но в последние годы наблюдается и рост производства, и рост реальных заработков, однако социальная ситуация все равно ухудшается.

Почему же Россия и многие другие государства СНГ показывают наихудшие результаты в экономической и социальной динамике? Традиционный вариант объяснения такой: в России реформы осуществляются медленно и не очень успешно, в то время как, например, в Восточной Европе реформы были более радикальными, и поэтому у них все хорошо. Есть множество публикаций, авторы которых пытаются доказать, что чем выше уровень либерализации и ниже инфляция, тем лучше экономическая динамика. Отсюда следует, что те страны, которые быстро проводили реформы и обеспечили макроэкономическую стабилизацию (а в основном это восточноевропейские страны), и пожинают плоды быстрого реформирования экономики. Но на самом деле в этой схеме очень много противоречий. Одно из противоречий — Китай, который в эту схему не укладывается. В Китае индекс либерализации почти такой же, как у России, а динамика производства кардинально отличается (рис. 4). У нас все время был спад, сейчас рост довольно вялый, а в Китае был непрекращающийся сильный рост.

Если посмотреть на динамику производства в странах СНГ, то здесь тоже есть ряд фактов, которые не вписываются в эту схему. Кто у нас сейчас главные «либерализаторы»? Конечно, страны Прибалтики, но динамика производства в этих странах не самая хорошая. На первом месте по динамике производства (в смысле восстановления уровня производства 1989 г.) у нас идет Узбекистан, на втором — Белоруссия, «ноздря в ноздрю» с Белоруссией идет Эстония, а за ними — Туркменистан (рис. 5). Эстония еще укладывается в схему, но Узбекистан, Белоруссия и Туркменистан ей никак не соответствуют.

Не вписывается в эту схему и Вьетнам, что особенно четко проявляется при его сопоставлении с Китаем. Это — две страны, одинаковые по исходным условиям и по структуре производства, одна из которых, Китай, проводила политику классического градуализма, а вторая, Вьетнам, — шоковую терапию (последний факт в России не очень известен). Вьетнам экспериментировал с градуализмом примерно 3 года — с 1986 по 1989 гг. там проводился курс, который имитировал или, скорее, превосходил горбачевские реформы. После этого они одновременно дерегулировали почти все цены и ввели конвертируемость своей национальной валюты — донга, объединив множественные курсы донга в один. И вот две страны, одна из которых проводила политику шоковой терапии (начав это делать раньше, чем являющаяся классическим примером Польша, которая

освободила цены только в 1990 г.), а другая — политику градуализма, росли, в общем, одинаково. Во Вьетнаме рост был чуть меньше, около 6—7 %, в Китае чуть больше — 8—10 %, однако ни там, ни там спада не было. Значит ли это, что характер проводимой экономической политики мало на что влияет, а показатели роста определяются иными, более фундаментальными факторами?

Мои исследования позволяют заключить, что определяющим фактором, влияющим на динамику производства в переходных экономиках, является не скорость реформ, а, в первом приближении, во-первых, исходные условия. И самое главное исходное условие — это какая часть экономики была «искореженной» и, соответственно, стала неконкурентоспособной в условиях новых соотношений цен после их дерегулирования. Когда соотношение цен меняется, какая-то часть экономики становится абсолютно не конкурентоспособной; основные фонды в неконкурентоспособных секторах надо переделывать, перестраивать, что влечет за собой временное падение производства. Если попытаться оценить эту часть экономики по доле промышленности в ВВП (своего рода показатель «переиндустриализации»), и по доле военных расходов, и по доле экономики, которая зависит от межреспубликанской торговли, то получающийся показатель позволяет объяснить сразу 60 % вариаций в динамике производства между странами, что является очень сильным результатом¹ (рис. 6).

Второй фактор, который объясняет расхождения в динамике производства, — это сила институтов. Сила государственных институтов определяется как их способность проводить в жизнь свои законы и предписания. Законы и предписания могут быть плохими или хорошими, но они устанавливают какой-то порядок. Порядок измеряется уровнем убийств, или уровнем теневой экономики, или уровнем преступности — обычно берут уровень убийств, потому что они лучше регистрируются, чем менее тяжкие преступления. Сила ин-

ститутов зависит от динамики государственных доходов/расходов: в тех странах, где госрасходы в процентах к ВВП сильно сократились — а это большинство стран СНГ и Юго-Восточной Европы, — там и теневая экономика, и социальное неравенство, и преступность возросли сильнее, и динамика ВВП была хуже (рис. 7—8). И наоборот, в Центральной Европе, Эстонии, Беларуси, Узбекистане и Вьетнаме, где госдоходы и госрасходы возросли или сократились меньше, чем в других переходных экономиках, институциональный потенциал удалось сохранить, что благоприятно сказалось на динамике ВВП и социальной сферы (рис. 9). В Китае относительные расходы государства — в процентах к ВВП — резко сократились в период реформ, но в реальном исчислении не переставали расти, особенно расходы на «традиционное правительство», т. е. на образование, здравоохранение, правопорядок, управление и проч. (рис. 10).

В совокупности эти два показателя — исходной «искаженности» экономики и силы институтов — позволяют объяснить более 80 % вариаций в динамике производства (расчеты проводились по всем 28 переходным экономикам, по которым есть данные). При этом характеризующий скорость реформ индекс либерализации оказывается статистически не значимым — по крайней мере, это твердый вывод для периода спада производства. Когда начинается рост производства, то есть некоторые доказательства, особенно по Восточной Европе, что чем больше было проведено реформ, тем лучше была экономическая динамика. Но для периода трансформационного спада таких доказательств нет.

Если такая схема верна, то ключевой вопрос — чем объясняется сила институтов? В значительной степени она определяется типом политического перехода от авторитарных режимов к демократии. Вообще, есть два измерения: первое — политический либерализм, второе — демократия. Когда мы говорим «либеральная демократия», в этом словосочетании прилагательное не менее важно, чем существительное. Либерализм — это значит гарантированность прав личности, скажем, защита права на свободное вероисповедание, защита права на разбирательство в суде, защита контрактов, прав собственности, даже свободная пресса. Демократия — это тоже права личности, но только демократические: право избирать и быть избранным, свобода слова и свобода печати. Пример страны, где есть либерализм и нет демократии — Гонконг. В Гонконге либерализм и правопорядок был и при англичанах, и после того, как он перешел к Китаю. Демократии там не было и нет до сих пор. В Европе в XIX в. сначала государства становились либеральными, и только потом — вводили демократию. Первая европейская страна, в которой женщины еще примерно в 1905 г. получили право голоса,

¹ См. подробнее: Попов В. Экономическая динамика при переходе к рынку: влияние исходных условий и экономической политики // *Вопросы экономики*. 1998.

№ 7. С. 42—64; Сильные институты важнее скорости реформ // *Вопросы экономики*. 1998. № 8. С. 56—70. Popov, V. Shock Therapy versus Gradualism: The End of the Debate (Explaining the Magnitude of the Transformational Recession) // *Comparative Economic Studies*. 2000. Vol. 42. Spring. № 1. P. 1—57. Сокращенный вариант на русском: *Конституционное право: Восточноевропейское обозрение*. 2000. № 1 (30). С. 66—72 (<http://www.ilpp.ru/kpvo/>).

Финляндия, была окраиной царской империи. Помимо отстранения женщин от голосования, в Европе были и другие ограничения избирательного права: ценз оседлости, ценз доходов и т. д.

В странах Восточной Азии — в Японии, Корее, на Тайване, в странах ЮВА — развитие тоже шло по этой же схеме: сначала либерализм, потом — демократия. И, видимо, для экономической динамики это наиболее благоприятный вариант. Но только для экономической динамики. Демократия, безусловно, является ценностью сама по себе. Другие регионы, например, Африка, Латинская Америка и страны СНГ, сначала вводили демократию, а правопорядка у них особого не было. Права собственности, соблюдение контрактов, права личности защищены не были, и, когда вводишь демократию, это сильно подрывает институты. Получается, что у демократии есть определенная экономическая цена.

Соотношение правопорядка и демократии можно отобразить на графике (рис. 11). Ось X — это индекс правопорядка, взятый из International Country Risk Guide. Инвесторов спрашивали, в какой степени защищены их права собственности и контракты, в какой степени они защищены от национализации и т. д. А по оси Y — индекс демократии, взятый из Freedom House (он называется индексом политических прав). И получается, что есть 4 квадратика. Страны Центральной Европы — это либеральные демократии, там и демократии много, и правопорядок обеспечен. В нижнем правом квадрате, где располагаются Китай и Вьетнам, находятся страны, где есть правопорядок. В верхнем левом квадрате располагаются страны, где демократия большая, а правопорядок — слабенький, и это страны, которые показывают худшую экономическую динамику. Это в основном страны СНГ. В левом нижнем квадрате находятся страны, где сохранились авторитарные режимы, и в большинстве случаев для институтов и для экономической динамики это неплохо. Неплохие результаты показывает Беларусь и Центральная Азия (за исключением Таджикистана и Кыргызстана); Китай в 80-е гг. тоже находился в этом квадрате.

Вывод в общем неприятный. Получается, что если вводить демократию при слабых институтах и при отсутствии правопорядка, то это только ухудшает качество институтов. Общая схема выглядит примерно так. После того как страны выходят из авторитарного режима и плановой экономики, в них или вводят демократию, или они остаются авторитарными. Если вводят демократию при обеспеченном правопорядке (либерализме), то мы попадаем в самый хороший квадратик, в котором размещаются страны с сильным правопорядком. Это то, что называется сильной демократией, когда хороший правопорядок сочетается с политическим либерализмом. Эти стра-

ны обычно сразу проводят реформы, не субсидируют неэффективные секторы промышленности и не осуществляют импортозамещающую индустриализацию, в то время как сильное правительство обеспечивает макростабильность. Такими являются страны Центральной Европы и Восточной и Юго-Восточной Азии. В исторической перспективе такой была Европа XIX в., которая сначала стала либеральной, и только потом демократической. Тайвань, а потом Корея стали демократическими совсем недавно, 15 лет назад. Для экономики это самый хороший вариант.

Совсем другое дело с авторитарными режимами. Они могут проводить плохую политику и хорошую политику, но в среднем у них экономические результаты лучше, чем у слабых демократий. Эти авторитарные режимы (не все, но очень многие) проводят экспортно-ориентированную политику и лучше обеспечивают макроэкономическую стабильность. Они иногда проводят постепенные, а иногда, как во Вьетнаме, радикальные реформы, но и в том, и в другом случае особенного падения производства не наблюдается. А вот в случае самых слабых демократий наблюдается то, что Р. Дорнбуш и Дж. Сакс назвали «макроэкономикой популизма», и о чем Владимир Мау написал книжку.

«Макроэкономика популизма» возникает в ситуации, когда слабое правительство не может навязать свою волю конкурирующим группировкам, которые сами пытаются контролировать государство (иногда это называется захватом государства). Однако каждая из группировок по отдельности слишком слаба, чтобы это сделать, а договориться и выработать консенсус они не могут. Если правительство не может навязать свою волю разным группировкам, то это закрывает путь к хорошей политике, под которой в большинстве случаев понимается экспортная ориентация и макроэкономическая стабилизация.

Исследования, направленные на изучение влияния неравенства в распределении доходов на экономический рост, показали, что в странах с большим неравенством в распределении доходов экономический рост слабее. Неравенство в распределении доходов «выталкивает» массу населения на уровень ниже медианного избирателя, т. е. у большей части населения, иногда даже у 80 %, доход ниже среднего. Если у них доход ниже среднего, они выигрывают от перераспределения, им выгодно голосовать за такое правительство, которое все перераспределит. После того, как правительство начинает все перераспределять через налоги и государственные расходы, это отрицательно сказывается на экономическом росте.

И действительно, быстрого роста в странах с большим социальным расслоением нет. Но промежуточные связи — механизм

воздействия социального неравенства на рост — не подтвердились. Оказалось, что там, где больше неравенство в распределении доходов, правительства, как правило, меньше, а не больше. А там, где правительство меньше, не всегда рост больше. Если смотреть в динамике, то, скажем, в Африке в трех странах, которые развивались успешнее других (Ботсвана, Маврикий, Лесото — почти 3 и более процента роста ВВП на душу населения в среднем за год в 1996—2000 гг.), увеличивалась доля государственных расходов. И в переходных экономиках тоже так получается. В чем же тогда объяснение, и как неравенство в распределении доходов подрывает экономический рост?

Можно предложить другую схему. Нужны две предпосылки, чтобы оказаться в положении, в котором сейчас находится Россия, в котором до недавнего времени находились, да и сейчас еще находятся большинство стран Латинской Америки и африканские страны. Нужно сильное неравенство в распределении доходов и слабое государство. Это то же самое, что сказать, что государство не контролирует олигархические группировки или лоббистские группы. Они не могут между собой договориться, и государство, таким образом, оказывается слабым. Если неравенство большое (что означает наличие давления в сторону перераспределения, иначе будет социальный катаклизм), а государство такое слабое, что оно не может открыто осуществлять перераспределение, то возникают скрытые формы перераспределения. Если, например, в Китае сильное правительство может ввести новый налог и распределить доходы от него в пользу бедных, то при слабом режиме и налог нельзя собрать, и перераспределить собранные доходы адресно уж точно нельзя.

Какие возникают скрытые формы перераспределения? Во-первых, это контроль над ценами. У нас, скажем, государство контролирует цены на нефть, и таким образом нефтяная рента автоматически достается тем, кто больше всего потребляет энергии, — неконкурентоспособным отраслям промышленности. Не исключено, что даже алюминий у нас стал бы неконкурентоспособным, если бы цены на электроэнергию подняли до мирового уровня. Конечно, это возможно только в тех странах, в которых, как в России, есть сырье и энергия, потому что там есть рента. Если попытаться снизить цены на другие товары, то их просто производить не будут. А здесь можно все-таки эту ренту перераспределять через контроль над ценами. Конечно, это не селективная политика, и в выигрыше оказываются даже неконкурентоспособные отрасли промышленности, которые вряд ли стоило бы поддерживать. Теоретически, эту ренту можно собирать в виде налога и потом раздавать конкурентоспособным предприятиям или тем, которые могли бы стать конкурентоспо-

собными. Но на практике это вряд ли возможно, потому что известно, что случается на стадии распределения ренты бюрократами в слабом государстве.

Второй способ перераспределения, если вы не можете собрать нормальные налоги и перераспределить эти налоги в пользу обездоленных социальных групп, — инфляционное финансирование. Если не можете собрать нормальный налог, собирайте инфляционный налог, т. е. печатайте деньги. Но этот налог, как известно, очень плохо влияет на экономический рост.

Третье — это финансирование за счет увеличения долга. Если вы не можете собрать налоги и отдать эти средства тем, кому нужно, то вы вынуждены наращивать внешний или внутренний долг. Это тоже известная ситуация.

Четвертый способ — перераспределение через завышенный валютный курс, это удешевляет импорт и субсидирует потребление. Можно также использовать российское изобретение — перераспределение через просроченную задолженность, через неплатежи. Разработана целая теория «виртуальной экономики», которая говорит, что неплатежи — это когда один сектор финансирует другие секторы экономики. Такое бывает и в других странах, но в очень небольших масштабах, в то время как у нас и на пространстве СНГ такое перераспределение наблюдалось в очень больших размерах.

Получается политэкономия роста следующего рода. В странах с большим социальным неравенством (которое возникло и у нас) и неспособностью государства перераспределить средства в пользу малоимущих слоев населения и депрессивных секторов экономики возникают скрытые, популистские формы перераспределения (контроль над сырьевыми ценами, инфляция, рост госдолга, завышенность валютного курса), которые отрицательно влияют на экономический рост.

В латиноамериканском варианте популистского цикла периодически накапливаются большие долги и курс национальной валюты выходит на завышенный уровень. Это приводит к кризису, в ходе которого курс девальвируется, инфляция резко возрастает, а долги обесцениваются и/или реструктурируются, после чего начинается новый «раунд». Это модель развития при слабых институтах, возникающая в основном в нелиберальных демократиях.

Какая политика в российских условиях была бы хорошей? Думается, что хорошая политика должна была бы состоять в том, чтобы постепенно подтягивать цены на нефть и газ до мирового уровня, чтобы изымать растущие доходы сырьевого сектора в бюджет через дополнительные налоги и перераспределять эти средства в экспортно-ориентированные отрасли или отрасли, имеющие экспорт-

ный потенциал. Потери несырьевых отраслей от повышения внутрироссийских сырьевых цен должны были бы при этом компенсироваться через постепенное понижение курса рубля, создающего протекционистский и экспортно-стимулирующий эффект. А сейчас у нас фактически проводится политика импортозамещения. Мы через низкие энергетические цены субсидируем неэффективные секторы промышленности, причем так их субсидируем, что кто больше потребляет энергии, тот и больше получает субсидий. Как в квартирном вопросе: у кого больше квартира, тот больше получает субсидий от государства.

Чтобы построить сильные институты, о необходимости которых для обеспечения экономического роста говорилось выше, надо очень много времени, и здесь прорыва за 3—5 лет быть не может. Здесь нужна постепенная работа. Я вижу только одну меру, которая может дать быстрый результат в смысле экономического роста и политически почти нейтральна (в то время как возможность реализации многих других мер упирается в «политическую волю» и отсутствие консенсуса). Эта мера — накопление резервов. Влияние накопления резервов на экономический рост было проанализировано в нашей совместной работе с В.М. Полтеровичем на основе данных по разным странам за период с 1960 по 1999 г.¹ Удалось выявить очень устойчивую связь, которая не исчезает, даже когда экономический рост контролируется на обычные переменные — такие, как инвестиции (доля инвестиций в ВВП), темпы роста населения, исходный уровень хозяйственного развития («преимущества отсталости»), инвестиционный климат. Те страны, которые накапливали резервы, как правило, росли быстрее (рис. 13).

Всего у семи стран в мире среднегодовые темпы роста ВВП на душу населения в 1960—1999 гг. были больше 4 %. И еще было 10 стран, где ВВП на душу населения рос средними темпами от 3 до 4 %. Больше таких быстрорастущих стран нет. Из этих 17 стран бедные или бывшие бедные, развивающиеся страны увеличили отношение «резервы/ВВП» в 1960—1999 гг. очень значительно, порой в несколько раз, однако для богатых быстрорастущих стран такой закономерности не просматривается. Есть как минимум

три механизма, через которые накопление резервов стимулирует экономический рост. Политика накопления резервов и искусственного занижения курса может дать, **во-первых**, временный эффект, как у нас сейчас получается (рис. 14). В России в 1999—2001 гг. рост был достигнут за счет относительного снижения заработной платы и относительного снижения цен на неторгуемые товары после девальвации 1998 г. Если курс снижается, если цены возрастают на все товары, а на неторгуемые и на труд цены остаются прежними, то прибыльность производства возрастает и в течение некоторого времени это позволяет стимулировать рост. Но это только временный эффект, по мере того, как прибыль инвестируется и производство расширяется, зарплата и цены на non-tradables растут, и все возвращается «на круги своя».

Во-вторых, накопление резервов ведет к возникновению «экспортной экстерналии»: те страны, которые быстрее увеличивали резервы, быстрее включались в международную торговлю, и от этого эффективность производства в них возрастала. Да, накопление резервов имеет свою цену, это откладывание ресурсов про запас за счет ограничения потребления, но дивиденды в виде экспортной экстерналии оказываются больше издержек.

И, наконец, **в-третьих**, есть такой неожиданный результат: наблюдается очень высокая корреляция, около 50 %, между накоплением резервов в предшествующий период и привлечением иностранных инвестиций в текущем периоде. Те страны, которые в предшествующие 10—20 лет увеличили резервы, смогли привлечь больше иностранных инвестиций. Видимо, это происходит потому, что при накоплении резервов занижается курс национальной валюты и активы страны дешевеют. С другой стороны, накопление резервов — это сигнал для иностранных инвесторов о том, что правительство страны намерено проводить ответственную и последовательную экономическую политику.

Итак, что следует из сказанного? Экономическая динамика в России в 90-е гг. определялась в основном тяжелым наследием плановой системы (диспропорциями) и ослаблением, если не сказать коллапсом, институтов. Воздействие экономической политики было ограничено стечением обстоятельств (макроэкономический популизм), но тем важнее в будущем проводить правильную политику в тех сферах, в которых возможно. Главной такой сферой, где достижение консенсуса среди правящей элиты и промышленных лобби, видимо, не так сложно, является накопление валютных резервов. Этот вопрос кажется мелким и чисто техническим, но, похоже, с помощью такой нехитрой и практически неполитизированной меры можно запустить механизм экономического роста.

¹ Polterovich V., Popov V. Accumulation of Foreign Exchange Reserves and Long Term Economic Growth <http://www.nes.ru/english/about/10th-Anniversary/papers-pdf/Popov-Polterovich.pdf> и <http://www.nes.ru/english/about/10th-Anniversary/papers-pdf/Popov-charts.pdf>. Сокращенная версия на русском: Последняя надежда // *Эксперт*. 2002. № 48. 22 дек.

Некоторые российские политологи, в частности, Д. Фурман, говорят, что следующий кризис в нашей стране будет через 15 лет. У каждого поколения свой кризис, и следующий будет связан с переходом власти к оппозиции. У нас была пока только одна ротация. Во многих странах СНГ, в том числе на Украине и в Белоруссии, прошли уже две ротации, т. е. демократия консолидировалась. У нас она пока не консолидировалась, и только через 15 лет встанет проблема перехода власти к оппозиции. С другой стороны, где-то через 15 лет Европа будет определяться, что ей делать с Россией. Китай, видимо, так разрастется к этому времени, что будет раза в два богаче нас по ВВП на душу населения, и, видимо, ему тоже придется определяться, что делать с Россией.

Если Россия сможет проводить политику, которая проводится в странах Юго-Восточной Азии, если Россия за эти 15 лет сможет стать на путь развития японской, корейской, тайландской модели экономики, если в России будут созданы сильные институты и мы будем расти по 7—9 % в год, то тогда процесс интеграции России в мировую экономику пройдет безболезненно. Если же Россия до этого времени не выйдет на эту траекторию роста, то вполне возможно расчленение нашей страны. Европа не сможет поглотить всю нерастущую экономику со всеми социальными проблемами, о которых я говорил. А за Уралом живет всего около 40 млн. человек, что даже на среднюю провинцию Китая не тянет. Причем я даже не уверен, что для России это будет худшим вариантом.

Вывод здесь такой: национальной идеей должна стать идея роста, и если в России не будет экономического роста, то уже через 15 лет возможен вариант постепенного расчленения России на кусочки.

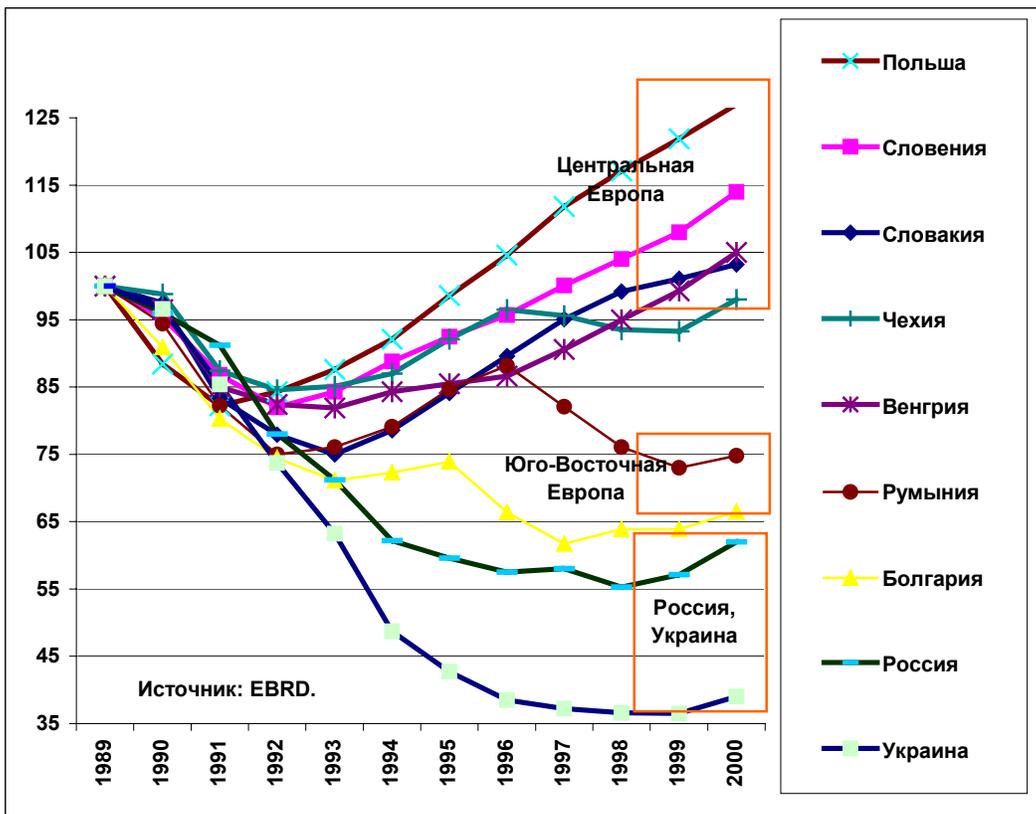

Рис. 1. Динамика ВВП в переходных экономиках, 1989 г. = 100%

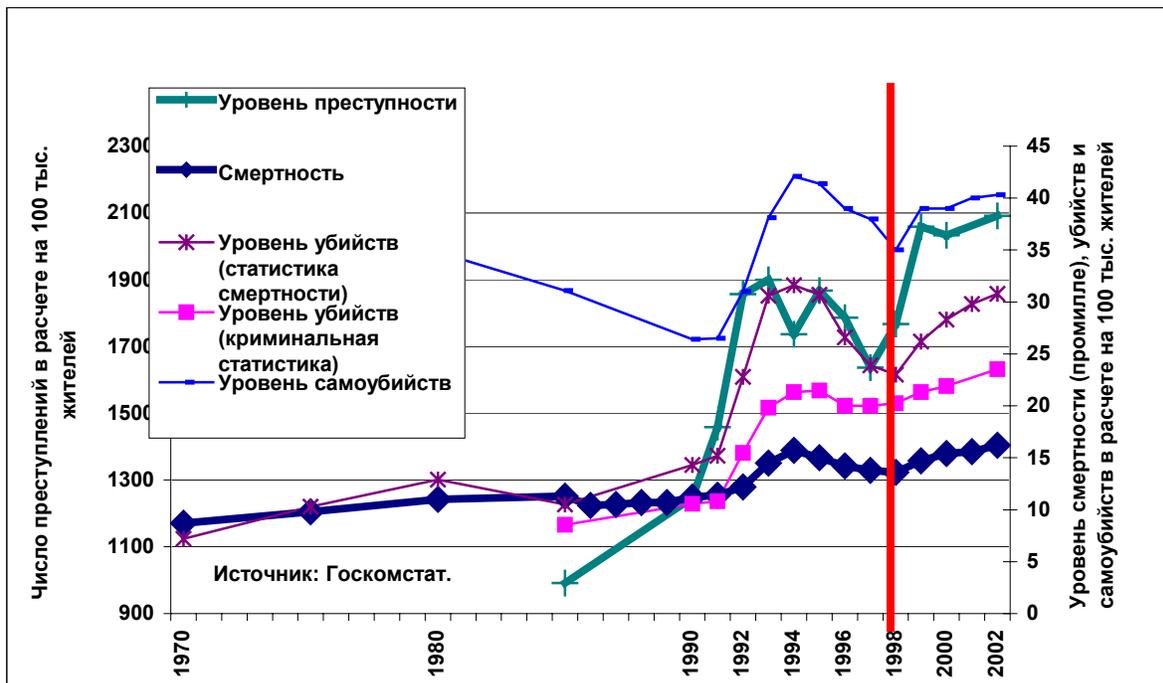

Рис. 3. Уровень смертности, преступности, убийств и самоубийств в России в 1970—2002 гг.

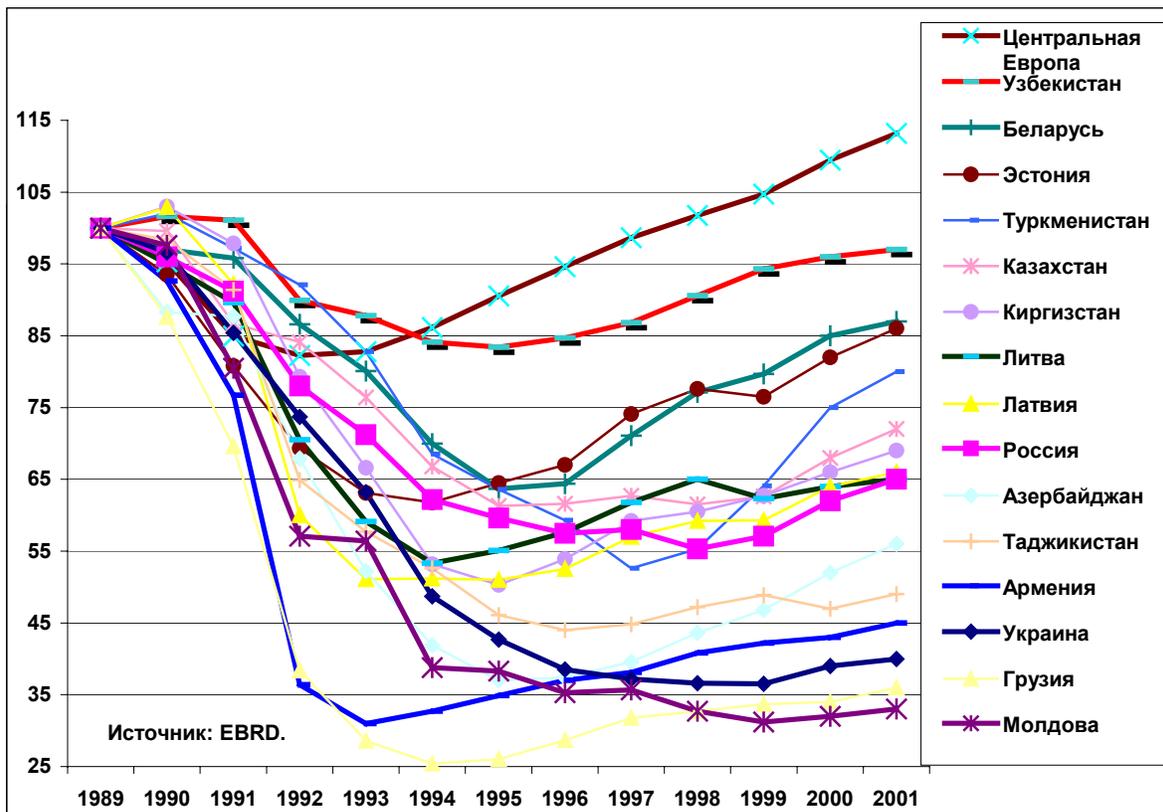

Рис. 4. Динамика индекса экономической свободы в переходных экономиках Кавказа и России

лет
переходного периода

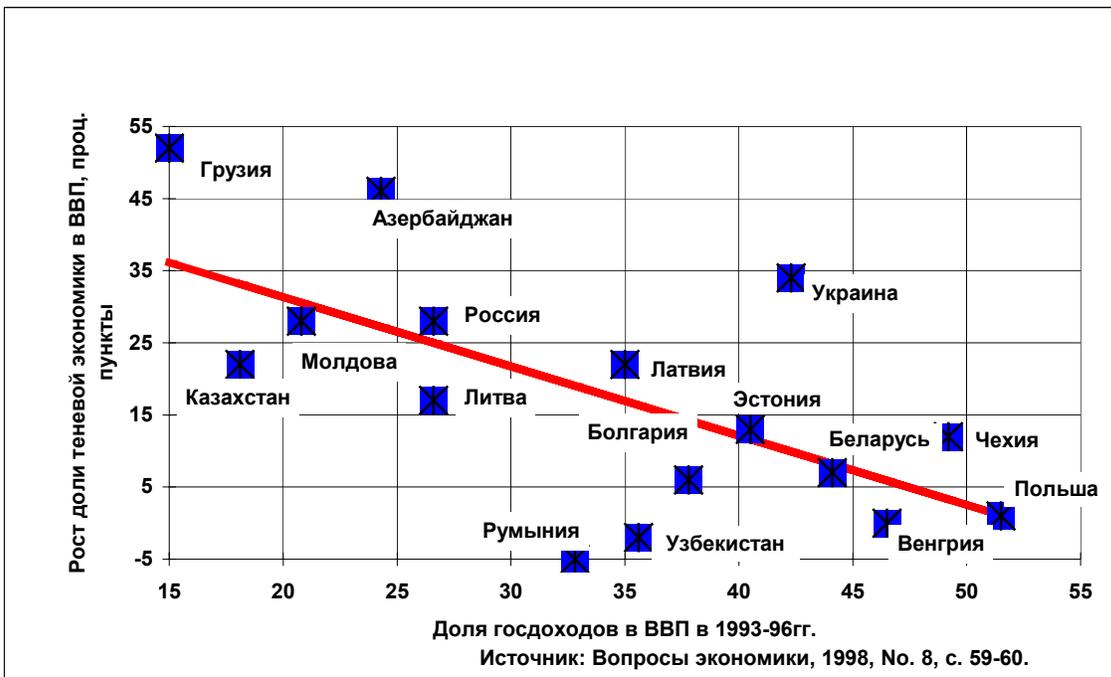

Рис. 7. Государственные доходы и теневая экономика в % к ВВП

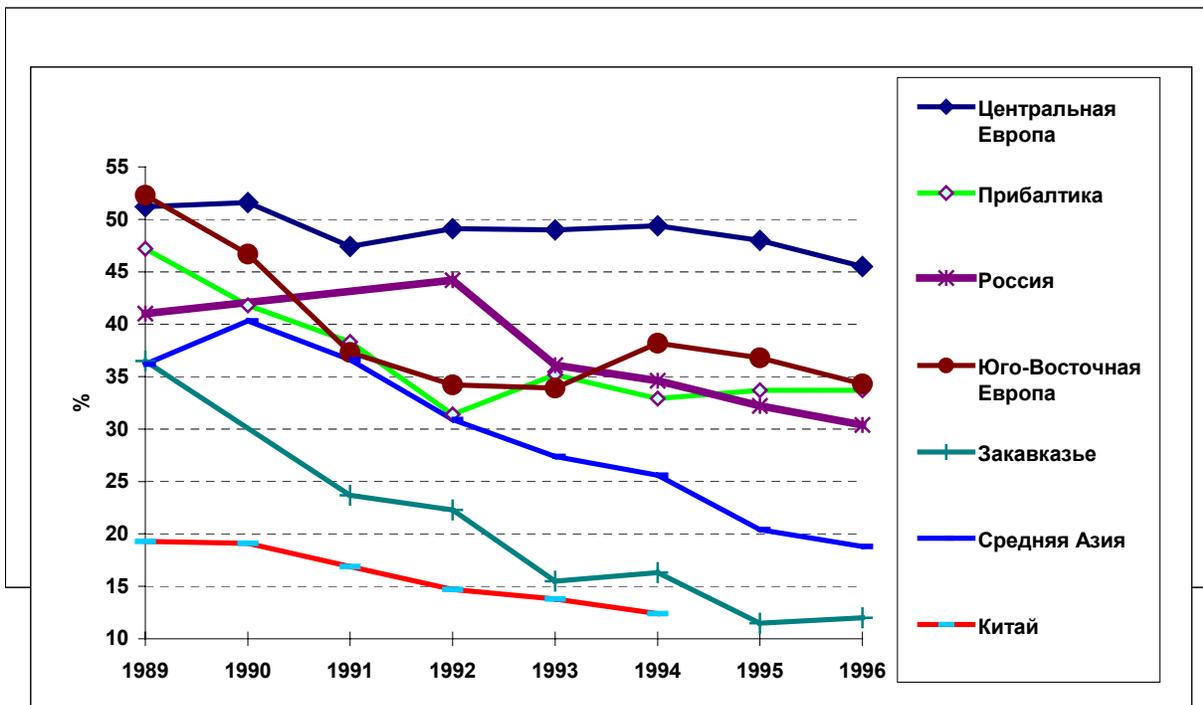
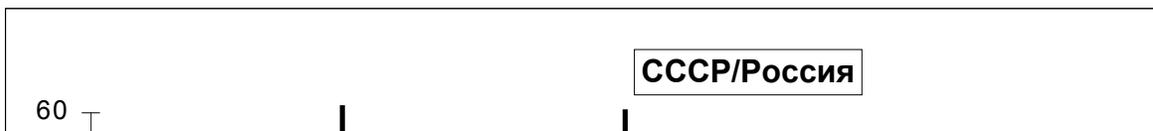

Рис. 9. Доходы консолидированных бюджетов в % к ВВП

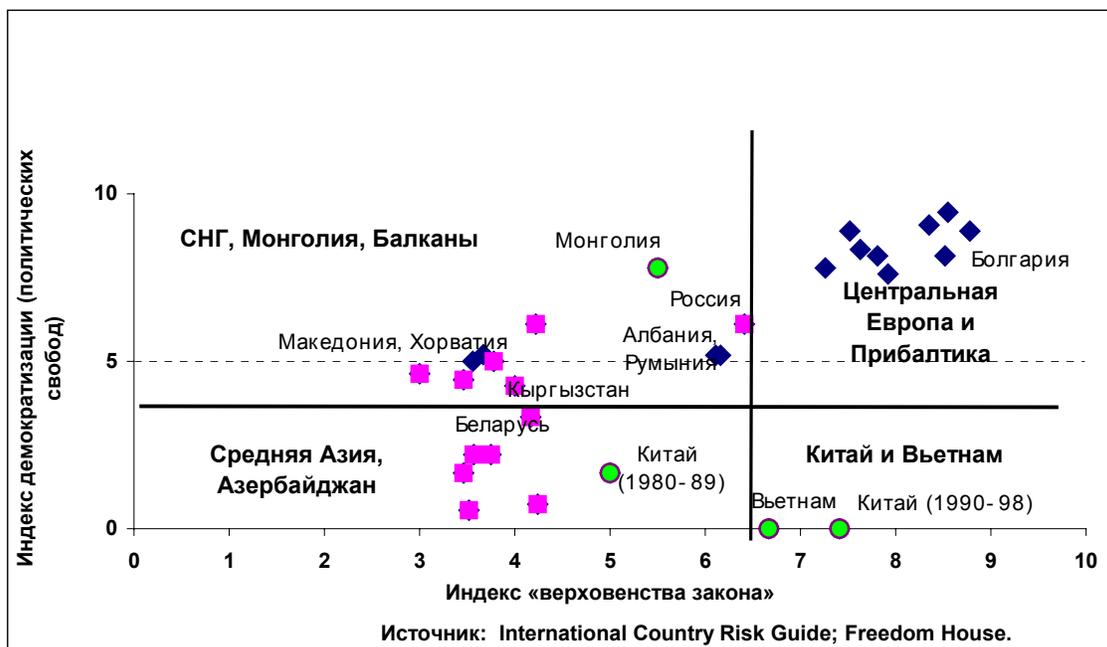

Рис. 11. Индексы «верховенства закона» и демократизации, калиброванные по 10-бальной шкале (более высокие значения соответствуют более прочному правопорядку и большей демократизации)

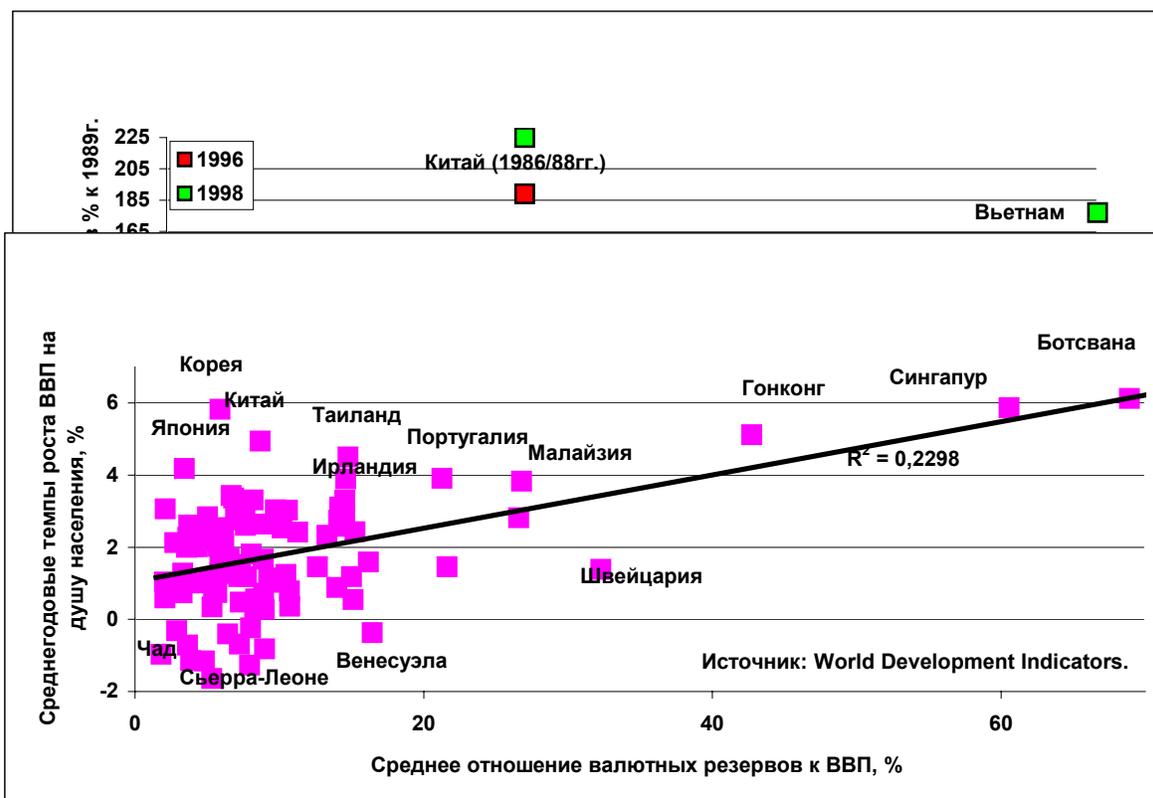

Рис. 13. Среднегодовые темпы роста ВВП на душу населения и среднее отношение валютных резервов к ВВП в 1960—1999 гг., %

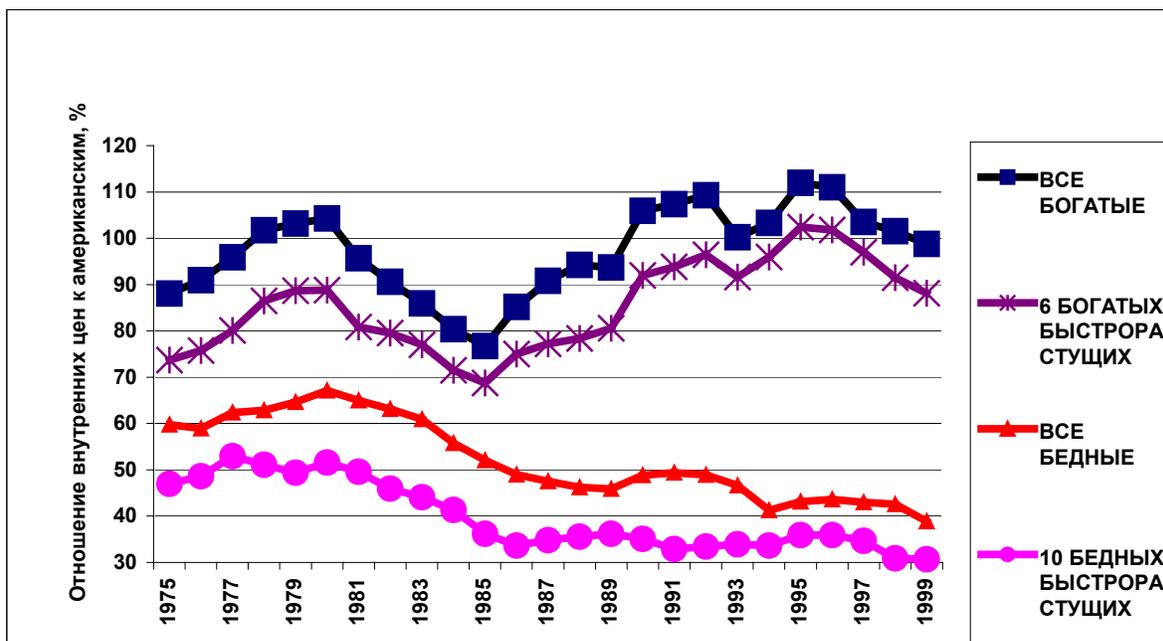

Рис. 15. Отношение внутренних цен к американским (отношение фактического валютного курса к ППС), %

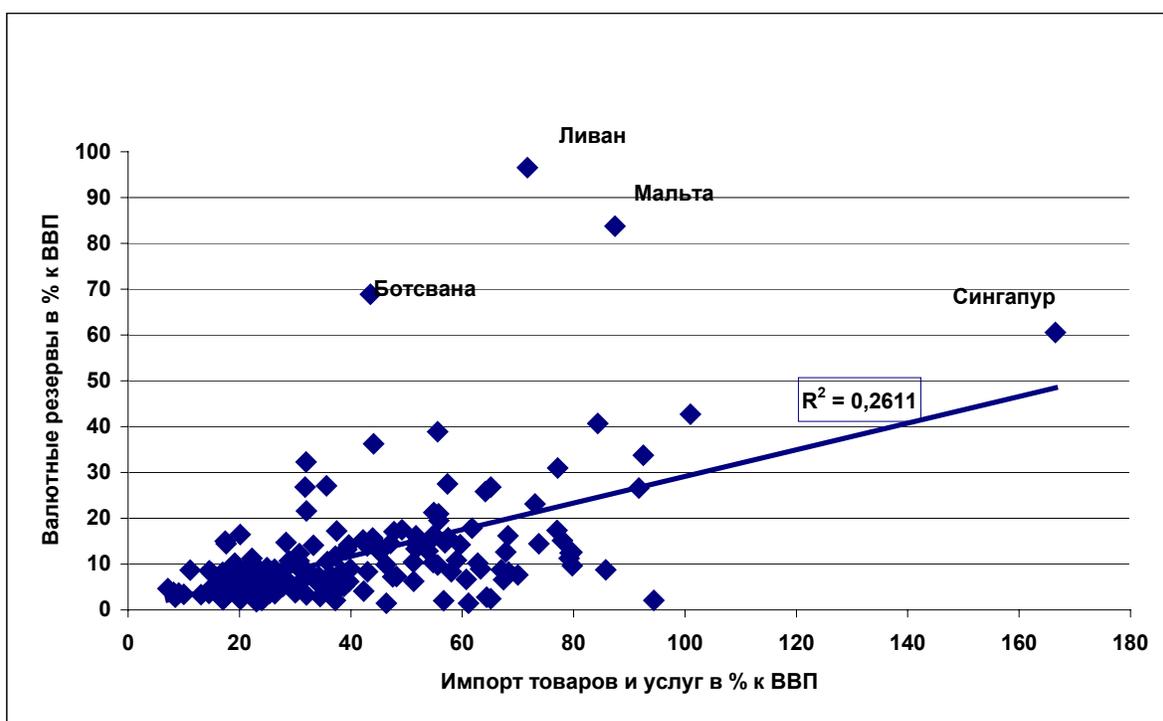

Рис. 16. Импорт товаров и услуг и валютные резервы, среднегодовые значения за 1960—1999 гг., в % к ВВП

В обсуждении темы (вопросы к докладчикам, общая дискуссия) приняли участие:

- А.Г. Арбатов, заместитель председателя Комитета Государственной Думы по обороне
С.М. Гуриев, директор Центра дополнительного профессионального образования РЭШ
А.А. Дынкин, член-корреспондент РАН, заместитель директора ИМЭМО РАН
Г. Квон, постоянный представитель МВФ в России
Н.И. Иванова, заведующая отделом ИМЭМО РАН
А.Н. Илларионов, советник Президента РФ
В.А. Мау, ректор Академии народного хозяйства при Правительстве РФ
Я.Ш. Паппэ, ведущий научный сотрудник ИНП РАН
В.Г. Стародубровский, заместитель директора МНИИПУ

ВОПРОСЫ К ДОКЛАДЧИКУ

На графике, изображающем взаимосвязь между уровнем резервов и темпом экономического роста, по оси x отложено именно отношение валовых международных резервов к ВВП или изменение валовых валютных резервов к ВВП?

Попов: На одном — отношение, а на втором — изменение отношения с 1960 г. по 1999 г. На втором графике статистическая связь слабее, но именно этот показатель, когда его включаешь в регрессии, контролируя на все остальное, становится статистически значимым, а не среднее соотношение (которое на первом графике), хотя они и скоррелированы. Этот показатель во множественных регрессиях работает лучше.

На одном графике R^2 равен 0,5, а на другом — 20 %?

Попов: Да. На самом деле, график сам по себе ничего не доказывает. Есть более аккуратная статистическая техника, которая показывает очень устойчивую зависимость. Если говорить о механизме связи, то доля инвестиций зависит от накопления резервов, и, дальше, заниженность курса и цен зависит от накопления резервов.

Не могу удержаться от того, чтобы не показать еще одну картинку: соотношение внутренних цен в различных странах мира и в США (рис. 15). Здесь наверху — среднее соотношение для всех развитых стран, 24 страны ОЭСР, следующая линия — для быстрорастущих развитых стран, следующая — для всех развивающихся стран в среднем, и, наконец, последняя — для быстрорастущих развивающихся стран. Для России это отношение составляет где-то 50 % — до кризиса было 70 %, после кризиса сильно упало. Что интересно, быстрорастущие развивающиеся страны — не самые бедные. Это в основном страны Юго-Восточной Азии и период с 1975 по 1999 гг. Сейчас подключились Индия и Шри-Ланка, здесь есть Ботсвана и Маврикий, есть Чили. Они не самые бедные, но у них отношение внутренних цен к ценам США из-за заниженности курса и накопления резервов — ниже, чем у основного массива развивающихся стран.

Это соотношение внутренних и американских цен вовлекает страны в международную торговлю, стимулирует экспорт. Можно показать, что экспорт стимулируется именно накоплением резервов, там тоже наблюдается значимая статистическая зависимость. Кроме того, видимо, на следующем этапе происходит еще накопление резервов, прирост инвестиций.

Вот эти эффекты я пытался довольно подробно проверить статистически. Конечно, графики сами по себе не являются доказательством. Скажем, если на графике мы расположим прирост резервов и долю внешней торговли и ее изменение — связи никакой не будет, но когда во множественные регрессии включаешь эти показатели, связи явно просматриваются.

Вы можете показать на том графике, на котором у вас демократия и либерализм, куда между этими двумя осями смещается Россия за последние 3 года, какой прогноз можно дать на следующие, скажем, 2 года, и как это может отразиться на экономическом росте?

Попов: Речь идет о рис. 11 — вот, Россия здесь отмечена. Улучшения положения России на этом графике за последние годы не произошло. Расширения демократических свобод в последние годы у нас не наблюдается, скорее, наоборот, Freedom House фиксирует при Путине ухудшение индекса политических прав. Что же касается правопорядка, у нас тоже все только ухудшается — теневая экономика не сокращается, преступность растет. В результате мы движемся влево и смещаемся вниз. Конечно, происходящее укрепление властных структур повышает шансы на успешное строительство институтов. Но, в любом случае, чтобы влияние такого строительства на экономический рост стало заметным, должно пройти по меньшей мере 10 лет.

Кроме того, есть то, что называется path dependent development. Иначе говоря, если мы уже вступили в демократический квадрат, то, видимо, переход в недемократический квадрат не сулит особых выгод в смысле укрепления правопорядка. Есть один установленный факт: пока что укрепление власти «на верхнем уровне», т. е. по отношению к регионам и олигархам, «на низовом уровне», в смысле снижения преступности, не дало результата. Степень влияния укрепления власти на собираемость налогов тоже под большим вопросом. Похоже, что увеличение налогов идет просто за счет экономического роста и некоторых изменений налоговой системы, а не за счет увеличения самой собираемости.

Тезис о том, что экономическая результативность авторитарных режимов лучше, чем у слабой демократии, — это эмоционально или это результат какого-то статистического анализа? Если анализа, то были ли в него включены итоги развития стран Африки?

Чисто визуально, если посчитать количество авторитарных режимов с хорошими и плохими результатами, создается впечатление, что авторитарных режимов с плохой политикой много больше, чем авторитарных режимов с хорошей политикой. И там существенный фактор — наличие или отсутствие природных ресурсов.

Попов: Самые известные исследователи данного вопроса — Adam Przeworski и Fernando Limongi. Есть исследования, которые показывают положительную связь, есть исследования, которые показывают отрицательную связь. Przeworski и Limongi, кстати, в одной из обзорных статей отмечают, что есть только одна устойчивая закономерность: чем позднее проводились исследования, тем более вероятно, что они находят положительное влияние демократии на экономический рост. Если в 80-е гг. было больше тех работ, которые находили положительное влияние авторитаризма, то в 90-е гг. исследователи, наоборот, обнаруживали больше случаев положительного влияния демократических режимов — прежде всего, за счет развитых стран. В развитых странах демократия хорошо влияет на рост, а в развивающихся странах все-таки преимущественно влияние отрицательное. Это, конечно, не свидетельствует об универсальности причинно-следственной связи, потому что есть умные авторитарные режимы, как в Китае, а есть и проводящие не очень хорошую экономическую политику, как в Туркменистане. Рост в Туркменистане, видимо, не оттого, что они хорошую политику проводят. Для Туркменбаши не составляло проблемы, в смысле силы его правительства, обеспечить макроэкономическую стабилизацию, но она обеспечена не была. Есть авторитарные режимы, проводящие очень плохую экономическую политику, но в среднем случае получается, что на этапе слабого правопорядка авторитарные режимы показывают лучшие результаты.

Не вполне ясно, как накопление резервов оказывает влияние на экономический рост. Можно еще раз объяснить этот канал влияния, особенно влияние курса валюты?

Попов: Есть, видимо, несколько механизмов. Мы пытались найти статьи на эту тему, но в литературе почти ничего нет, этот актуальный вопрос практически не обсуждается. У некоторых стран отношение резервов к ВВП составляет меньше 1 %, у некоторых — больше 100 %. Это, например, Ботсвана, у которой отношение резервов к ВВП, между прочим, 113 %. Чемпион по росту в последние 40 лет — это Ботсвана. Конечно, при построении регрессий надо контролировать величину резервов на объем международной торговли, так как чем больше страна торгует, тем при прочих равных условиях ей понадобится больше резервов для обеспечения бесперебойности внешнеэкономических расчетов.

Кстати, само накопление резервов объяснить тоже не так просто. Я пытался контролировать на объем перемещения капиталов, на платежи по обслуживанию долга, на краткосрочную задолженность, на долгосрочную задолженность, на баланс по текущим операциям. Но у этих показателей нет связи с накоплением резервов и даже со средним уровнем резервов. Связь есть только с объемом внешней торговли — связь между объемом внешней торговли в процентах к ВВП и резервами в процентах к ВВП, причем резервы зависят даже не столько от экспорта, сколько от объема импорта (рис. 16). Но даже если рассматривать такой показатель, как резервы в месяцах импорта, получается, что у Ботсваны резервов на 24 месяца импорта. А есть какая-нибудь Ямайка, по размеру внешней торговли и объему ВВП такая же, как Ботсвана, и там резервов только на 1—2 месяца импорта. Почему такая разница? Естественно предположить, что это влияние политики.

В принципе, центробанк может накапливать столько резервов, сколько захочет. С технической точки зрения это возможно. Если центробанк накапливает резервы, это своего рода жертва, потому что это накопление резервов идет за счет ограничения текущего потребления. За счет чего центробанк может накапливать резервы? Во-первых, за счет инфляции — печатать деньги и вкладывать эти деньги в резервы. Во-вторых, за счет увеличения долга. Он, например, просто продает государственные облигации населению, а полученные деньги вкладывает в резервы.

И, в-третьих, он может финансировать накопление резервов за счет профицита госбюджета. При бюджетном профиците получается, что у нас расходы больше, чем доходы, а профицит мы вкладываем в накопление резервов, как в запас.

У этой политики есть цена — ограничение потребления, и есть выгоды. Первое, если это один неожиданный толчок, правительство вдруг стало накапливать резервы, чего никто не ожидал, сразу падает курс. Как только падает курс, то вырастают цены внутри страны,

потому что девальвация чревата инфляцией. Но цены возрастают не на все товары. Как было в России? После девальвации 1998 г. цены на труд почти не выросли, заработная плата не выросла — или выросла гораздо меньше, чем все остальные цены, т. е. реальная зарплата сильно упала, это было ограбление народа. Здесь, правда, толчок к девальвации и изменению относительных цен был дан кризисом, а не сознательной политикой накопления резервов. Так или иначе, произошло перераспределение всего национального дохода от заработной платы к прибыли. Кроме того, цены на *non-tradables* — на продукцию естественных монополий, электроэнергию, газ, нефть, железнодорожные перевозки, связь — не возросли. Значит, для производителей все это было хорошо: прибыльность выросла, пошли инвестиции, начал раскручиваться механизм роста. Однако в конечном итоге увеличение инвестиций должно привести к тому, что соотношение цен выровняется. Только неожиданный толчок может привести к изменению относительных цен и ускорению роста или серия неожиданных толчков. Если это постоянная политика, то все агенты экономики привыкнут к этому и будут повышать заработную плату и цены на продукцию естественных монополий такими же темпами, какими, как ожидается, государство будет накапливать резервы, занижать курс и, соответственно, увеличивать инфляцию.

Почему курс падает, когда накапливают резервы?

Попов: Представим себе рынок валюты, ситуация на котором определяется показателями платежного баланса. На этом рынке валюта появляется тогда, когда предприятия экспортируют продукцию. А если вы импортируете, у вас валюта уходит за границу. Допустим, у вас нет движения капитала, есть только экспорт и импорт. Значит, экспорт дает вам валюту, импорт у вас отнимает валюту. Сводит этот баланс центробанк. Если у вас объем экспорта равен объему импорта, то у вас спрос на валюту равен ее предложению. Плюс еще движение капитала, от которого я для простоты абстрагировался. Теперь представим, что в какой-то момент центробанк проводит операции по закупке валюты, увеличению резервов. Центробанк нарушает равновесие на этом рынке и покупает часть валюты, которая должна была бы быть использована для оплаты импорта. Экспортеры заработали один миллиард, а импортеры хотят истратить этот миллиард на импорт, но центробанк купил полмиллиарда, и у импортеров не хватило валюты. Что тогда будет? Тогда будет цена дол-

лара повышаться, потому что спрос на валюту будет превышать предложение валюты.

Это — только один способ влияния накопления резервов на экономический рост, а в докладе говорилось и про два других способа. Не могли бы вы еще раз хотя бы коротко про них сказать?

Попов: Эти способы формализованы Полтеровичем на модельном уровне, т. е. есть модель, которая показывает возможность увеличения темпов роста при ускоренном накоплении резервов¹.

Первый способ — это примитивное перераспределение от заработной платы к прибыли, от неторгуемых товаров к торгуемым. За счет этого начинаются инвестиции, о чем только что говорилось. Второй способ — это экспортная экстерналия. Предположение здесь таково, что экспортная экстерналия больше импортной. Оно, в общем, логично, но с ним многие спорят. В чем здесь может быть основание?

Что такое экспортная экстерналия? Это значит, что страна получает выигрыш от вовлечения в мировое хозяйство, от международного разделения труда. Почему она получает выигрыш, понятно: в мире живет 6 миллиардов людей, а в стране, например, 3 миллиона или 150 миллионов. Международная специализация ведет к выигрышу, но экстерналия — это такой выигрыш, который достается всему обществу в большей мере, чем фирмам и агентам. В этом случае фирмы и агенты сами, без поддержки государства, на оптимальную траекторию роста выйти не могут.

Второе предположение — что экспортная экстерналия сильнее, чем импортная. Какое здесь может быть объяснение? Если вы экспортируете, то когда вы занижаете курс, все производители у вас получают выигрыш, даже те, которые работают на внутренний рынок, потому что сразу получается эффект тарифной защиты. Вы вовлекаетесь через экспорт в международную торговлю и повышаете качество своих инвестиций. Не только сами инвестиции растут, но и отдача от них растет. А если вы завышаете курс, то все импортеры получают выигрыш. Получается, часть выигрыша идет потребителям, а часть выигрыша идет фирмам. Можно это объяснить так: когда весь выиг-

рыш идет производителям, при том, что они равняются на международные стандарты, то они получают большую экстерналию. Так или иначе, многие согласны с тем, что экспортно-ориентированный рост более эффективен, чем политика замещения импорта, — а это как раз и есть предположение о том, что экспортная экстерналия больше импортной.

Третий механизм влияния накопления резервов на экономический рост, действие которого позволяют выявить эмпирические исследования, состоит в том, что приток иностранного капитала возрастает вследствие аккумулирования резервов, из-за того, что вы скажем, 10 лет назад накапливали резервы. Почему это происходит? Потому что, во-первых, занижая курс через накопление резервов, вы обесцениваете свои активы, у вас все дешево стоит, можно компанию купить очень дешево. Во-вторых, потому что инвесторы воспринимают это как сигнал о серьезности намерений правительства. Правительство показывает, что оно способно контролировать ситуацию, отложить часть доходов в запас. Не важно, насколько тяжелые времена мы переживаем, но все равно запас будем наращивать. Если страна накапливает резервы 10 лет, значит, правительство способно проводить последовательную политику целых 10 лет, а это дорогого стоит. Ни одна страна Латинской Америки, кроме Чили, таким похвастаться не может. Кстати, в Чили накапливались резервы, и в Индии, и в Шри-Ланке тоже. Для всех быстрорастущих стран был этот период сильного накопления резервов. В Китае пошли иностранные инвестиции только с начала 90-х гг. До этого времени инвестиции поступали в объеме не более 1—2 млрд. долл. в год. В 1989 г. был Тяньаньмэнь, а с 1993 г. уже начинают приходиться десятки миллиардов — 20, 30, 50, 80. Это было после 15 лет накопления резервов. Хотя политика открытости в Китае была провозглашена в 1979 г., когда начались все реформы, но 10 лет не было значительного роста иностранных инвестиций.

Экономические последствия политики, связанной с повышением цен на нефть и газ, понятны. Но как оценить социальные последствия?

Попов: Это сложный вопрос. Мне кажется, что наша официальная статистика по расслоению доходов сейчас показывает примерно такой же коэффициент Джини, который был 5 лет назад: 39 %. По данным Russia Longitudinal Monitoring Survey получается 46—48 %, но и этот показатель не растет в последние несколько лет. Получается, что с 1998 г. по 2002 г. не было роста коэффициента Джини, но

¹ См. подробнее: Polterovich V., Popov V. Accumulation of Foreign Exchange Reserves and Long Term Economic Growth (<http://www.nes.ru/english/about/10th-Anniversary/papers-pdf/Popov-Polterovich.pdf> и <http://www.nes.ru/english/about/10th-Anniversary/papers-pdf/Popov-charts.pdf>).

мне кажется, что это не вполне достоверный результат. Я больше доверяю визуальным впечатлениям: расслоение явно растет, как минимум в Москве, и, кроме того, явно есть большая группа населения, 5—10 %, положение которой постоянно ухудшается. Не может расти преступность, или количество самоубийств, или смертность без всякого роста расслоения. И если даже в 5-ой, 6-ой, 7-ой децильных группах происходят позитивные сдвиги, то последняя, нижняя группа явно «выпадает в осадок». При этом технически может быть даже так, что коэффициент Джини не будет расти, но положение этой группы относительно других будет все более ухудшаться. Значит, если повышать цены, это может иметь еще худшие социальные последствия. Здесь как с квартирной реформой: все мы знаем из учебников, что лучше всего субсидировать не цену квартир, а доходы. Для этого нужно одно условие — *means test*, т. е. проверка наличия источников средств к существованию. Для того, чтобы проверить доходы, надо иметь чистую бюрократию: проверить доходы очень сложно, это высшая математика для бюрократии. Если хорошей системы проверки и некоррупцированной бюрократии нет, понятно, во что выльется повышение цен на квартиры.

Так же и с повышением цен на нефть. Если мы сейчас повысили бы эти цены, одновременно повысив налоги с нефтяных компаний, и эти средства стали бы распределять адресно тем трудовым коллективам, которые, допустим, имеют лучшие перспективы выйти на мировой рынок, эта была бы самая хорошая политика, *the first-best policy*. Но она не сработает, потому что бюрократия такая. Девальвация чем хороша — что ее нельзя украсть, как говорил один экономист. Поэтому я бы предложил то, что называется *second-best policy* — и в квартирах, и в ценах на нефть: столько-то метров или столько-то киловатт-часов электроэнергии по очень низкой цене (как сейчас, кстати, в некоторых странах Центральной Европы) — это гораздо легче контролировать, — все остальное по рыночной цене. Когда вы выбираете установленный минимум в 1000—2000 кВт-час в год, тогда вы и начинаете платить по рыночной цене. Видимо, с нефтяной рентой тоже можно применить такой способ.

ОБЩАЯ ДИСКУССИЯ

Впечатления о том, что китайцы живут лучше нас, не соответствуют тем расчетам и прогнозам, которые были сделаны в ИМЭМО под руководством А.А. Дынкина. Согласно этим расчетам, по доходам на душу населения, рассчитанным с учетом ППС, Китай в 2000 г. находился на 89 месте в мире, и к 2015 г., согласно прогнозу, он «перетащится» только на 81 место. До этого он развивался гораздо более динамично и действительно был рывок, этим и объясняются показанные В.В. Поповым высокие темпы роста доходов на душу населения в Китае.

Самой интригующей была последняя часть доклада В.В. Попова, которая связала воедино Европу, Китай, приход к власти в России оппозиции через 15 лет и расчленение России в каких-то целях. Взаимосвязь этих 4 факторов требует более подробного объяснения и обоснования.

Представленный анализ, таблицы и графики сопоставляли либерализм, с одной стороны, и демократию, с другой стороны, как средства достижения экономического роста. Мне представляется, что такая система ценностей не совсем правильна. Я бы на первое место, в качестве цели, все-таки поставил демократию и взял в качестве средства обеспечения демократии как высшей ценности либерализм и экономический рост. Мне было бы очень интересно, как выглядели бы представленные выкладки, таблицы и графики, если бы несколько перевернуть эту формулу и посмотреть на нее под этим углом зрения.

Каждый раз, участвуя в дискуссиях о глобализации, можно только радоваться, что от итогов дискуссии ничего не зависит, иначе все было бы печально. Объяснить, почему всем будет хорошо, кроме самих себя, — это любимое развлечение всех времен и народов, особенно в России. Прелесть состоит в том, что большинство всех экономических успехов происходило не «благодаря», а «вопреки», и только экономические историки описывали, почему это все-таки было «благодаря».

Субъективное представление о действительности все же основывается на неких «вкусовых» вещах, потому что представление о Китае, когда ты посещаешь Пекин, Шанхай, юг, — это одно, а когда западные районы Китая — то оно совсем другое, и в этом смысле поляризация в Китае ничуть не меньше, чем в России. Но это я говорю не в плане оправдания России или критики Китая.

Мне представляется, что на самом деле в рассуждениях о либерализме, демократии и прочем — хотя я не собираюсь защищать ни демократическую, ни антидемократическую позицию — есть один порок, связанный с внеисторизмом такого анализа. Дело в том, что демократия по отношению к экономическому росту в значительной мере является экзогенным фактором. Среди «технических» экономистов есть распространенная точка зрения, что демократия — это нечто, что можно ввести, а можно не ввести. На этом основаны работы Стиглица о России. В.В. Попов рассуждает в этом же направлении. На самом деле, и это достаточно убедительно показано в ряде исследований, демократия сама по себе есть фактор уровня экономического развития.

Можно позволить себе проводить реформы в обществе с доминированием аграрного населения с низким уровнем образования, но нельзя проводить реформы в стране с преобладанием городского населения, когда правительство в значительной мере зависит от налогов, т. е. когда оно не сидит «на трубе», на ренте и может забыть об остальной части налогов. Это существенно разные вещи. Применяя этот опыт к современной России, можно сравнивать, скажем, Китай с бухаринской моделью индустриализации. Китай конца 70-х гг. и СССР конца 20-х гг. — это одинаковые страны: одинаковые по структуре экономики, структуре занятости, уровню образования, структуре ВВП и т. д. Можно отчасти говорить о возможности мирного перехода к демократии и рынку в СССР в середине 60-х гг. — опыт 1965 г., когда население еще пребывало в иллюзиях возросшего после окончания войны уровня ВВП на душу населения, когда экономика еще не была перегружена отсталыми технологиями и т. д. С политэкономической точки зрения, сопоставление по политическим механизмам стран с качественно разным уровнем среднедушевого ВВП является не вполне корректным. Даже если сейчас — а статистика может все — пересчитать так, что уровень среднедушевого ВВП в Китае и России почему-либо окажется одинаковым, то от этого вовсе не изменится сложившаяся ситуация, когда в Китае, скажем, $\frac{3}{4}$ населения заняты в сельском хозяйстве, уровень образования существенно ниже российского и т. д. Высокая доля населения, проживающего в сельских районах, — это, прежде всего, даже не вопрос занятости, а вопрос образования и стиля жизни.

Иными словами, я хочу подчеркнуть, что есть два фактора, без включения которых в модель все остальные расчеты достаточно бессмысленны. Во-первых, это качественное состояние экономики, в общем, измеряемое уровнем среднедушевого ВВП как наиболее обобщающим показателем, хотя и не только им. Во-вторых, наличие или отсутствие природных ресурсов и весь этот уже достаточно хорошо изученный феномен негативного влияния природных ресурсов на экономический рост в странах с низким и средним уровнем экономического развития. Дальше мы можем рассуждать о сравнительной эффективности авторитарных режимов и слабых демократий, но здесь большой вопрос в том, как именно сравнивать. Если сопоставлять долю эффективных авторитарных режимов в общей совокупности авторитарных режимов и долю эффективных слабых демократий в общей совокупности слабых демократий, наверное, авторитарные режимы эффективнее. Но если взглянуть на соотношение количества эффективных авторитарных режимов к общему числу эффективных демократий, то оно, как правило, окажется достаточно несущественным и применимо только к странам достаточно низкого уровня среднедушевого ВВП.

Хотелось бы сделать два замечания. Одно о том, как глобализация связана с тем, о чем говорил В.В. Попов. Глобализация, как и любая реформа, порождает выигравших и проигравших, поэтому при наличии демократии нужна система компенсации проигравшим, система перераспределения. Действительно, при первом взгляде на ситуацию в России создается впечатление, что у нас нет такой системы, и нет даже самой возможности ее построить. Государство не умеет перераспределять хорошо и эффективно в пользу бедных, и в ближайшее время, пока реформа государства затягивается, такую систему построить вряд ли удастся. Возникает даже вопрос, есть ли возможность у частного или некоммерческого сектора вмешаться и попробовать перераспределять более эффективно, чем государство? Иначе говоря, нужно ли сократить государственные попытки перераспределения и дать возможность некоммерческому сектору это сделать, или, наоборот, пытаться наращивать социальные расходы и перераспределять через государство?

Другое замечание — о том, чем российские отношения между либеральными и демократическими ценностями отличаются от конфликта между либерализмом и демократией в других странах. В России основное либеральное право, право собственности, омрачено отношением большинства населения к итогам приватизации. Эта российская черта — средний российский избиратель не уверен в

том, что приватизация была справедливой, — тоже, наверное, является тормозом развития. Может быть, стоит даже подумать о том, чтобы выплатить населению репарации за неверно проведенную приватизацию или как-то иначе обеспечить принятие и поддержку населением либеральных прав, базовым из которых является право собственности.

Хотелось бы вернуть дискуссию в сторону теоретических аспектов изучения экономического роста. Если мы возьмем экономическую теорию в ее развитом, зрелом западном варианте, то мейнстрим экономической теории изучает экономический рост в несколько других координатах. Если взять основные Нобелевские премии, которые были присуждены за теорию экономического роста, начиная с Солоу и Лукаса, то в исследованиях первостепенными были такие факторы производства, как труд, капитал и научно-технический прогресс. Это традиция западной экономической мысли, которая изучала экономический рост последние 50 лет довольно успешно, объясняя и причины роста, и различия в его темпах. Надо сказать, что в западной экономической мысли главное усовершенствование 90-х гг. заключалось в том, что от рассмотрения научно-технического прогресса как главного экзогенного фактора экономического роста в моделях Солоу был совершен переход к теории Лукаса, которая доказывает, что это был эндогенный фактор. Это мейнстрим экономической теории.

Когда в 90-е гг. произошел массовый переход от социализма к капитализму, и стали все более активно изучаться проблемы различий в темпах экономического роста не только между развитыми странами, более или менее стационарными, с развитой демократией, но и между странами с переходной экономикой, стали появляться другие подходы. Один из таких возможных подходов и был представлен В.В. Поповым. Насколько я помню, первой работой в этом направлении была работа Сакса (в «Brookings Papers on Economic Activity»), который, когда пытался доказать на примере 100 или 150 стран, что либерализация способствует экономическому росту, и показал, что чем более либеральна экономика, т. е. чем более страна открыта для внешней торговли, тем выше экономический рост. Затем такой подход, не связанный с какими-то наработанными моделями экономической теории, проверенными и изложенными в экономических учебниках, стал развиваться. Стали изучать не только влияние открытости внешней торговли на экономический рост, но и влияние факторов, представленных в докладе В.В. Попова: криминализация, демократизация, сила институтов. Мне кажется, что все это имеет отношение не столько к экономическому росту, сколько к

экономическому упадку, потому что то, что происходило в России и во многих других странах — это был не экономический рост, а экономический регресс. Хорошей теории экономического упадка еще никто не создал.

Меня немного беспокоит в подходе В.В. Попова то, что, как мне кажется, с одной стороны, основной пафос его доклада связан с изучением переходных экономик, и на большинстве представленных графиков были отображены показатели переходных экономик. Но, в то же время, иногда на графиках возникали и данные по развитым странам, хотя рост в этих странах следует анализировать в рамках совсем иной теоретической парадигмы. Иногда возникали все развивающиеся страны. И в примерах тоже были переходные экономики, а были просто какие-то беднейшие страны. Мне кажется, что они принципиально различаются в своей основе по источникам экономического роста. И здесь не нужно путать классы стран, уровень достигнутой демократии, уровень вообще экономического развития, уровень институтов. Я призываю к чистоте исследования и пониманию того, что нарабатала мировая экономическая теория.

Можно подчеркивать неоднородность социально-экономического положения в Китае, сравнивая ситуацию в прибрежных и внутренних районах страны. Это сравнение довольно часто используется, и его можно применить не только к Китаю, но и к любой другой стране. Одно дело — Москва, другое дело — провинция. Одно дело — Нью-Йорк, другое дело — Средний Запад и т. д. Можно говорить о разнице уровня регионального развития, но, кстати, китайская дифференциация, если посмотреть в целом прибрежные районы против внутренних, будет поменьше, чем между Москвой и Тюменью, с одной стороны, и российскими провинциями, с другой. Так что нужно иметь в виду, что региональное развитие разных стран различно, но это ничего не объясняет и ничего не опровергает.

Сейчас в Китае в сельском хозяйстве, даже по официальной статистике, занято, конечно, не $\frac{3}{4}$ населения, а меньше половины, к тому же мы понимаем, что из этой половины далеко не все заняты именно в сельском хозяйстве, а многие заняты в том, что имеет отношение к промышленности, прежде всего — сельской промышленности. Что касается уровня образования, да, уровень образования в Китае ниже, чем в России. Это позволяет нам еще раз задать вопрос: если мы такие умные, то почему такие бедные? Выясняется, что для того, чтобы иметь высокие темпы экономического роста и

более высокие уровни доходов, уровень образования (по крайней мере, тот, который традиционно измеряется) имеет далеко не всегда прямо пропорциональное значение.

Здесь, поскольку г-на Стиглица среди нас нет, его отсутствие не позволяет исказить его точку зрения. Мы должны уважать то, что он говорил, даже если мы с этим не согласны. По крайней мере, его последние работы, посвященные России, были связаны не с тем, что у нас было недостаточно демократии, а с тем, что та экономическая политика, которая у нас проводилась до августа 1998 г., не могла не привести к печальным макроэкономическим последствиям — сначала к сдерживанию экономического роста, а потом и к кризису. Когда он обсуждал вопросы залоговых аукционов — почему они проводились и почему их не надо было проводить — это не имело никакого отношения к демократии. Высокий уровень налогообложения и завышенный реальный валютный курс как причины четырехлетней рецессии и августовского кризиса также не имеют к демократии никакого отношения. Они имеют отношение к тому самому макроэкономическому популизму, которому были посвящены многочисленные работы Рудигера Дорнбуша на примере Латинской Америки и В.А. Мау на примере России и некоторых других стран. Собственно говоря, именно об этом писал и говорил Стиглиц. Хотя хорошей теории экономического упадка у нас не создано, зато хорошая практика экономического упадка была осуществлена.

Как мне кажется, использовавшийся В.В. Поповым термин «занижение курса» национальной валюты является не очень корректным. Этот термин предполагает, что есть какая-то политическая воля, власть, которая может какими-то инструментами экономической политики, прежде всего валютной, привести к занижению курса. Как хорошо известно, в краткосрочном плане это возможно, но в средне- и долгосрочной перспективе невозможно. Еще Фридман пояснил, что в долгосрочной перспективе денежная политика не может влиять на реальные индикаторы. Способы, с помощью которых можно привести к краткосрочному изменению реального валютного курса — это либо инфляция, либо накопление долга тем или иным образом — не являются устойчивыми в долгосрочной перспективе. Если денежные власти проводят инфляционную политику, то как они накапливают валютные резервы, так эти валютные резервы и уходят. Если резервы накапливаются с помощью внешнего долга, то рано или поздно ими надо расплачиваться. Поэтому в средне- и долгосрочной перспективе ситуация будет вполне нейтральная.

Что действительно имеет значение, так это изменение реального валютного курса в средне- и долгосрочной перспективе. Здесь то наблюдение, которое сделал В.В. Попов, совершенно правильно не только с точки зрения накопления резервов и изменения реального валютного курса, но оно полностью подтверждает то, что Владимир Викторович, кажется, хотел опровергнуть, а именно, теорию относительно размеров государства. То, что было показано В.В. Поповым, является еще одним подтверждением тому, что размеры государства являются чрезвычайно важным фактором, оказывающим соответствующее воздействие на темпы экономического роста. Более высокие размеры государства воздействуют отрицательно, менее значимые размеры — положительно. Я попробую в двух словах эту логическую цепочку провести.

Позитивная связь между накоплением валютных резервов и темпами экономического роста не очень сильна, но она действительно существует. Можно посмотреть по абсолютным объемам или по приростным показателям. Почему существует? Потому — и тут В.В. Попов совершенно прав, — что разные страны в состоянии в течение длительного времени удерживать разные уровни реальных валютных курсов. Различные представленные графики, в частности, по относительным ценам, измеряемым отношением внутренних цен в разных группах стран к, скажем, американским ценам, — это лишь иная интерпретация той же самой истории с реальными валютными курсами. Страны, в течение длительного времени поддерживающие более низкие реальные валютные курсы, чем это предсказано по другим параметрам экономического развития, при прочих равных условиях имеют возможность накапливать валютные резервы и имеют более высокие темпы экономического роста.

Тогда встает следующий вопрос: что позволяет некоторым странам поддерживать более низкие уровни реального валютного курса? Поскольку ни инфляция, ни накопление краткосрочного долга или расплата с ним не позволяют это сделать, то ключевым фактором является то, что в литературе называется размерами государства, или размерами нерыночного сектора. Сюда включаются как фискальные размеры государства, так и масштабы государственного регулирования. Как раз те страны, которые у В.В. Попова попали в группу, имевшую самые низкие значения демократизации (и Чили, и Маврикий, и Ботсвана, и многие страны Юго-Восточной Азии), имеют эту особенность. С точки зрения как фискальных, так и регулятивных параметров эти страны относятся к странам с низкими размерами государства, что им позволяет поддерживать более низкий уровень издержек для своей продукции и более высокий уровень конкуренто-

способности, иметь более высокие темпы экономического роста и накапливать валютные резервы.

Поэтому если стоит задача повышать темпы экономического роста, то нужно обращать внимание не на тот или иной аспект валютной политики с занижением или завышением курса — а именно на это ссылаются многие критики той позиции, что реальный валютный курс имеет значение, — а на размеры государства. Если это делать, тогда и получается накопление валютных резервов.

Мне кажется, то, что было представлено В.В. Поповым, — это очень профессиональное манипулирование статистикой, которое подгоняет данные под заранее близкую автору концепцию о том, что ускоренный экономический рост могут обеспечить только авторитарные государства. Вместе с тем, в докладе очень много грамотных экономических размышлений о либерализме, цене демократии, о том, что демократия подрывает институты, и т. д.

Завтра встанет вечный, видимо, вопрос: почему Россия не Китай? Недавно вышла забавная книжка «Почему Россия не Америка?», автор которой пытался объяснить различия, исходя из климатических наблюдений. Вряд ли этим можно объяснить разницу между Северной и Южной Кореей, там климат похожий. Так и здесь — почему Россия не Китай? Мне кажется, ответ очень простой: потому, что китайская политическая элита гораздо ответственнее российской или советской политической элиты. Китай начал реформы на следующий год после смерти диктатора. Мы не смогли этого сделать, и мы развиваемся толчками. После смерти диктатора мы сеяли кукурузу и создавали совнархозы, а не занимались реформой. Следующая попытка пойти по китайскому пути была предпринята Косыгиным. Она тоже провалилась в силу сопротивления элиты. Поэтому у нас развитие революционное, а не эволюционное, которое нормально и, на мой взгляд, оправдано. В 1991 г. демократия разрушила институты старого режима.

По поводу Китая. Если внимательно заниматься китайской статистикой, особенно на уровне регионов, то темпов роста выше 5,5 % в год никак не получается. Региональная статистика, если просуммировать, дает 9—10 % роста. Центральные статистические органы в Пекине снижают эти «репортажи с мест». По нашим расчетам, никак не получается, что Россия отстанет от Китая по ВВП на душу населения при наших темпах роста не ниже 4 %.

В.В. Попов, фактически, ссылается на мнение замминистра обороны США, что Китай — это будущая сверхдержава. Это, конечно, хороший источник, но меня это не убеждает. В Китае действи-

тельно для 350 млн. человек созданы более или менее сносные условия, и уровень их жизни действительно растет как на дрожжах, но при этом есть около 1 млрд. человек, чей уровень жизни как был очень низким, так таковым и остается.

Представленная В.В. Поповым картина, которая показывает взаимоотношения между накоплением резервов и ростом, вызывает определенные вопросы. Хотя соотношение, может быть, и существует, вполне возможно, что причинно-следственная связь тут обратная: не от резервов к росту, а от роста к накоплению?

По проблеме определения источников роста выполнено множество исследований, основанных на международных сопоставлениях. И самые стабильные отношения между ростом и каким-либо показателем, которые позволяют выявить эти исследования, — это отношение между ростом и размером государства.

Когда В.В. Попов говорил о коэффициенте Джини, он совершенно справедливо заметил, что у нас статистика вроде бы показывает снижение уровня разрыва между различными группами, но я ей верю, сказал Владимир Викторович, потому что у меня есть способы визуального контроля. Нам хорошо бы иметь некоторые способы контроля за нашими макроэкономическими показателями темпов экономического роста, потому что хорошо известно, что если взять темпы экономического роста, официально зафиксированные советской статистикой на протяжении советской истории, мы к концу 80-х гг. должны были бы быть на уровне Западной Европы или США. Я не думаю, что это результат чистого вранья или натягивания. Это просто результат использования определенных методик статистического учета. Также хорошо известно, что можно довольно легко построить модель экономики, в которой будет в течение 20 лет темп роста 3 % по всем правилам расчета ВВП в постоянных ценах, и в результате мы будем иметь на выходе точно такую же экономику, как и на входе. Поэтому, хотя у меня нет никаких возражений или соображений по этому поводу, хотелось бы иметь какие-то методы контроля наших ростовых показателей, но я не уверен, что экономическая теория на сегодня имеет такие способы.

Ранее было сказано, что разница между нами и Китаем в том, что у них ответственная элита, а у нас безответственная. Мне стало обидно, я стал думать, действительно ли это так, и я хочу предло-

жить несколько тезисов, которые показывают, что дело не только в ответственности и безответственности, но и в ряде объективных факторов, которые обусловили эту разницу пути Китая после Мао и Советского Союза после Сталина.

Дэн Сяопин и Хрущев — можно их сравнивать по-разному. Наверное, Дэн Сяопин — гораздо более мощная личность, чем Хрущев, но это не объективный, а субъективный фактор. А вот объективными, мне кажется, были следующие. К моменту смерти Сталина в СССР была создана мощная централизованная тяжелая промышленность, которая стала гигантским «якорем» социализма и социалистического образа хозяйствования и препятствием для таких реформ, которые стали проводиться в Китае с начала 80-х гг. В Китае к моменту смерти Мао Цзэдуна ничего подобного не было.

Второй фактор — внешний. Когда умер Сталин, в мире была биполярность. СССР тянул на себе гигантское бремя гонки вооружений, связанное с той же промышленностью, цементирувавшее социалистический уклад и мешавшее реформам. У Китая этого не было. Когда умер Мао Цзэдун, Китай стал играть на противоречиях между СССР и США и не соревновался ни с Россией, ни со Штатами. Он имел в этом смысле объективное преимущество.

Третье — это то, что на СССР лежало гигантское бремя поддержания империи, которое не лежало на Китае. Любые попытки реформирования внутри СССР — вспомните «оттепель», вспомните 60-е гг. — вызвали развал империи, и это было гигантским тормозом для тех, кто пытался предлагать планы экономического или политического реформирования внутри страны. Боялись, что все сыплется вокруг — во всей империи, и в Европе, и в Азии.

И последнее: к моменту смерти Мао Цзэдуна реальный социализм как экономическая и политическая система был дискредитирован в гораздо большей степени, чем к моменту смерти Сталина. У китайцев уже был опыт СССР, который после смерти Сталина пытался и так, и сяк улучшить социализм, и ничего из этого не получилось. С другой стороны, был опыт «экономических чудес» в Японии, в Южной Корее, в Германии, которого не было на начало 50-х гг.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ

Попов: Позвольте я теперь отвечу на замечания по конкретным пунктам.

Насчет расчленения России: я не политолог, этот вопрос не ко мне, тут я в основном опираюсь на аргументы известного политолога Д. Фурмана. Я не считаю, что я по этому вопросу могу сказать что-то серьезное, но его схема, которая мне импонирует как человеку, который этим не занимается, как мне кажется, убеждает. В России после расстрела парламента в 1993 г. система уже устоялась. Ясно было, что оппозиция никогда не придет к власти мирным путем в обозримой перспективе. Если бы в 1996 г. нельзя было сохранить власть демократическим путем, то сохранили бы ее недемократическим путем, потому что лозунг оппозиции был: «Банду Ельцина под суд!» Так что отдавать власть означало идти в тюрьму, если не хуже. Система конституировалась, власть была передана. К Кучме она не перешла и к Лукашенко она не перешла, как это было на Украине и в Беларуси, когда там произошла консолидация демократии. Теперь нынешняя власть будет находиться на своем месте (не в виде Путина лично, а, возможно, в виде преемника), скажем, еще в течение 15 лет, и мне это кажется убедительным, хотя, может быть, это и не так, это не моя специальность. Почему можно думать, что через 15 лет в России будет кризис? Потому что через 15 лет будет передача власти оппозиции. Это первое, это наша внутренняя ситуация. Кроме того, через 15 лет Европа должна будет определиться, принимать — не принимать Россию. Сейчас вроде бы неясно: мы не готовы сказать, чего мы хотим, Европа не готова принять нас. Через 15 лет все это материализуется. Вдобавок, через 15 лет — я все-таки настаиваю на этом — Китай будет в 2 раза богаче России, и он уже сейчас опережает Россию.

Далее, были утверждения, что цель — это демократия, а средства — это экономический рост. То, что у меня было за душой, я изложил в книжке в публицистической форме¹, я очень бы всех просил ее прочитать, мне очень важны комментарии. Да, есть такая точка зрения, нашедшая отражение в максималистских лозунгах. Во время восстания Спартака говорили: «Лучше умереть свободным, чем жить в оковах». Пугачев в «Капитанской дочке» говорит: «Лучше поест один раз живого мяса, чем всю жизнь питаться мертвечиной».

¹ Три капельки воды: заметки некиитаиста о Китае. М.: «Дело», 2002.

«Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день за них идет на бой», — это уже Гете. «Помни Аламо, — говорят в США. — Remember the Alamo». Был такой форт в Техасе, который осаждали войска, там все осажденные погибли, но не сдались. *Patria o muerte*, родина или смерть, — был и такой сандинистский лозунг. Если про себя это говорить, то все нормально, а если про других, то это вопрос сложный. Многие люди предпочитают пожить, и неплохо пожить, при авторитарном режиме, чем отдавать свою жизнь в борьбе за демократию. Число потерянных жизней — это не тривиальный и не второстепенный критерий успеха любой системы.

«Пусть свершится правосудие, и перевернется мир». Если мир перевернется, некому будет оценить величие и красоту этого правосудия. Число жизней — это важный, не второстепенный критерий, и по этому критерию, скажем, если считать цыплят по осени, «по гамбургскому счету», то через 20 лет Китай будет выглядеть намного лучше, чем мы. В Китае уже сейчас, похоже, реальной демократии чуть ли не больше, чем у нас. На низовом уровне выборы, настоящие, со многими разнопрограмными коммунистическими и некоммунистическими кандидатами, проводятся во всех деревнях, где живет 900 млн. человек, так что демократия в Китае постепенно вводится, мы просто не знаем об этом. А через 20 лет будем смотреть: вот Китай пришел к рыночной экономике и демократии, и мы пришли, сколько они потеряли жизней и сколько мы потеряли жизней при переходе к демократии, какое у них развитие демократии в итоге и какое у нас, и какой ВВП на душу населения у них и у нас. Так что это не второстепенный критерий. Демократия тоже цель, но не любой ценой.

Теперь то, что говорилось о сопоставлении прибрежных и внутренних провинций. Это правда, в Китае значительно меньше расслоение между провинциями, чем в России, но там 30 провинций, 4 города, которые имеют специальный статус, плюс Гонконг и Макао, которые являются специальными административными районами. Расслоение меньше даже с учетом Гонконга, если считать средние отклонения от среднего уровня.

И еще. В XX веке всего 5 стран прорвались из развивающихся в развитые. Первая — это Япония, у которой сразу после войны ВВП на душу населения составлял 20 % от уровня США, а сейчас приближается к 100 %. Дальше — 4 «тигра»: Гонконг, Сингапур, Тайвань и Корея. Они стали развитыми странами. Только 5 стран прорва-

лись. Китай сейчас тоже прорывается, и, конечно, через 20 лет он уже прорвется. Это, может быть, немного не по теме, но мне кажется, что это важная мысль. Разрыв в уровнях ВВП на душу населения между развивающимися и развитыми странами составляет примерно 5—6 раз. Этот разрыв не сокращался в XX веке. До 1500 г. не было разрыва, потом он рос, рос, рос, потом в XX веке иногда возрастал, иногда уменьшался, но, в целом, не сократился. Позорная история XX века в этом и состоит.

Теперь следующее. В Китае на самом деле не 70 % в сельском хозяйстве, там 70 % на селе, деревенское население, но из них только 50 % в сельском хозяйстве, потому что остальные 20 % — в местной промышленности: *township and village enterprises*.

Теперь о том, что страны надо сравнивать по политическим механизмам, а просто сопоставлять страны по уровню ВВП — это некорректно. Я согласен с этим. Я ни в коей мере не призываю вводить в России авторитарный режим просто потому, что на данных прошлого периода мы видим, что авторитарные режимы лучше обеспечивают экономический рост и силу институтов, чем демократические. Видимо, укрепления правопорядка через свертывание демократии сегодня не получится, даже если бы мы этого хотели и готовы были на это пойти. Ведь есть *path dependent development* — развитие, в котором следующий шаг определен предыдущим. Если говорить на обывательском уровне, я бы мог простить некоторый авторитаризм президентской власти по отношению к олигархам и регионам, если бы это привело к снижению преступности. Но где это снижение преступности? Его нет. Даже с этой точки зрения все равно получается, что нелогично идти по этой авторитарной дороге. Мой аргумент состоит, скорее, в том, что немедленная шокотерапевтическая демократизация в сегодняшнем Китае чревата ослаблением институтов, что негативно скажется и на экономическом росте, и на социальной сфере, как это и произошло у нас в 1991 г.

Есть эффективные и неэффективные авторитарные режимы. Авторитарных режимов ведь осталось очень мало: в Латинской Америке одна Куба, в Африке — раз, два, три и обчелся, в Азии тоже практически не осталось, есть несколько на Ближнем Востоке. У нас авторитарные режимы — это только Туркменистан, Узбекистан и Беларусь. Так что если сравнивать демократические и авторитарные режимы, то получается, что неэффективных демократических гораздо больше, чем неэффективных авторитарных. Но из примерно 100 стран, которые были затронуты «третьей волной» демократизации в последние 30 лет, только около 20 (Греция, Испания, Португа-

лия, Центральная Европа, Тайвань, Корея, Чили и некоторые другие) могут быть признаны относительно успешными.

Далее, говорилось о компенсации гражданам, проигравшим в результате приватизации в России, и о том, есть ли возможность поручить выделять эту компенсацию частному сектору или все-таки нужно наращивать государственные социальные расходы. Твердо не могу сказать, но мне кажется, что это все-таки общественное благо, а общественными благами должно заниматься государство. Частный сектор этим заниматься не способен. Как он может ввести пенсионную систему? Кому-то введут, а кому-то не введут. Система должна быть единой, должна быть какая-то минимальная сетка гарантий, и я не вижу, как это может сделать частный сектор без лидерства государства. Говорилось, что либеральное право собственности в России было сильно омрачено итогами приватизации. Да, действительно, это интересная мысль: может быть, выплатить населению компенсацию за приватизацию и за все остальное, но как далеко тогда надо идти? Тогда и за обесцененные инфляцией вклады в Сбербанке надо выплачивать компенсацию. Я не вижу, как наше слабое государство может это сделать. Если бы у нас было сильное государство, это была бы неплохая идея.

Далее, говорилось, что есть мейнстрим в теории роста — Солю, Лукас и все остальные, — а есть не мейнстрим, и я, вроде бы, не мейнстрим. Говорилось о том, что на моих графиках, которые иллюстрируют сделанные выводы, отражены одновременно данные по экономикам различных типов, что не вполне корректно. Такое впечатление создается потому, что представленные графики взяты из нескольких разных работ. Одна работа — это сравнение 30 переходных экономик по масштабам спада, а есть еще работа по сравнению регионов России по показателям спада — в обеих этих работах предлагается объяснение масштабов спада. А исследованию влияния накопления резервов на экономический рост посвящена другая работа. И в число объясняющих факторов в регрессии я, как это и делается в традиционном анализе экономического роста, скажем, у Р. Барро, тоже включаю «традиционные» факторы. Но, прослеживая «базовые» теоретические зависимости и проконтролировав таким образом на влияние «традиционных» факторов роста (доля инвестиций в ВВП, рост населения, исходный уровень ВВП на душу и др.), я ввожу в регрессии дополнительные объясняющие переменные — такие, как накопление резервов, — и провожу статистически корректное изучение влияния этого фактора на темпы экономического роста.

Спасибо за интерес и комментарии. Простите, что не успел ответить на все вопросы.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В.В. ПОПОВ

Экономика — почему Россия не Китай¹

Почему в Китае не было падения производства во время рыночных реформ, как это произошло в России, СНГ, восточноевропейских странах? На эту тему написано множество статей и книг, но единого мнения у исследователей до сих пор нет, тем более, что вопрос сильно политизирован. Китай был первой плановой экономикой, запустившей рыночные реформы (не считая советского НЭПа), — на 10 лет раньше, чем восточноевропейские страны и СССР. Результаты были поразительными — производство зерна благодаря переходу от коммун к семейному подряду и разрешению продавать сверхплановую продукцию по рыночным ценам возросло вдвое за неполные 10 лет, доля инвестиций в ВВП поднялась с менее 30 до более 40 %, темпы роста — с 5 до 10 %. Тогда считалось, что экономическая либерализация творит чудеса, чем ее больше, тем лучше. Однако опыт Восточной Европы, где падение производства составило 20—30 % и продолжалось 2—3 года, и тем более опыт бывшего СССР, где производство падало почти 10 лет и упало, грубым счетом, вдвое, заставил многое переосмыслить.

По масштабам экономической либерализации Китай и сейчас находится где-то на уровне России и сильно отстает от восточноевропейских стран — сводные индексы экономической свободы, ежегодно рассчитываемые Heritage Foundation для многих десятков стран мира, в Китае и России в 1995—2000 гг. были примерно одинаковы; в 80-е же гг., в первое десятилетие реформ, когда более половины всех цен еще контролировалось сверху, экономической свободы и рынка в Китае было намного меньше, чем у нас в 90-е. Результаты, тем не менее, оказались в корне противоположными — полулиберализованная китайская экономика ускорилась, а наша либерализованная камнем падала вниз. Китайский градуализм многие стали ставить в пример — мол, вот какие впечатляющие результаты, если не ломать через коленку, а реформировать осторожно. Дело, однако, было не в градуализме.

¹ Глава из книги В. Попова «Три капли воды: заметки некитаиста о Китае». М.: «Дело», 2002.

В Азии, кстати сказать, и шокотерапию проходили раньше европейцев. Не слишком известный среди неспециалистов факт: Вьетнам после недолгих экспериментов с постепенными реформами «горбачевского» толка (1986—89 гг.) в марте 1989 г., на 9 месяцев раньше Польши, запустил программу классической шокотерапии, одновременно дерегулировав 90 % всех цен, девальвируя донг и заменив множественные обменные курсы единым. Никакого спада, однако, не последовало, напротив, экономический рост, как и в Китае, ускорился (в случае Вьетнама — до 7 % в год в 90-е гг.).

Получается, примерно, следующее: две соседние страны, имеющие схожий уровень развития, структуру хозяйства и экономическую культуру, продемонстрировали впечатляющую способность к экономическому росту в переходный период вопреки кардинальным, казалось бы, различиям в экономической политике — Китай следовал курсом постепенных реформ, поддерживая долгое время двухканальную систему цен и реализации продукции (плановую и рыночную), тогда как Вьетнам создал полноценный рынок товаров в ночь с воскресенья на понедельник. Значит ли это, что стратегия перехода к рынку не играет никакой роли? В общем, да, именно так и получается, если под стратегией понимать скорость реформ: темпы либерализации — это третьестепенный фактор экономической динамики, есть более важные факторы, которые исследователи упустили, зациклившись на споре «шокотерапия или градуализм».

Несколько огрубляя, можно сказать, что таких решающих факторов три. Во-первых, исходные условия, наследие прошлого, степень деформации экономики плановой системой — от этого зависит, насколько сложно ее реформировать и с какими издержками это будет связано. Во-вторых — способность государства обеспечить сильные работающие институты, без которых либерализация (рыночная экономика) не работает. Эту институциональную составляющую «правильной» политики фактически просмотрели и шокотерапевты, и градуалисты, сконцентрировавшие свои усилия на спорах о второстепенном, по сути, вопросе о темпах экономических реформ. И наконец, в третьих, макроэкономическая и промышленная политика, стимулирующая рост. В Китае было и то, и другое, и третье. В Центральной Европе исходные условия были плохими — экономика была сильно деформирована, но институты работали. Политика же благоприятствовала росту только отчасти — с макроэкономической стабилизацией все было в порядке, а вот промышленная политика в лучшем случае была нейтральной, а не экспортно-ориентированной, как в Китае. В России и СНГ все было не так — и с исходными усло-

виями не повезло, и институты развалились, и политика — хуже некуда.

Бремя прошлого для китайских реформаторов не было столь тяжелым, как в Восточной Европе и СССР, из-за низкого уровня развития и индустриализации и относительно низких военных расходов. Китайские сельские коммуны, скажем, оказалось возможным в 1979 г. «раздать на огороды» без ущерба для технологии и эффективности. Напротив, советские колхозы и совхозы базировались на централизованной инфраструктуре (от жилья до хранилищ и ремонтной базы), большую часть которой переход к семейным фермам неизбежно превращал в груды металлолома. В промышленности китайский успех зиждился на вновь создаваемых предприятиях (в основном мелких и средних, относительно малокапиталоемких), а крупные капиталоемкие госпредприятия до сих пор остаются узким местом китайской экономики.

Доводя мысль до крайности, можно сказать, что в Китае, где диспропорции плановой системы не были увековечены «в металле», выгоды рынка сказались бы сразу при любом варианте перехода, будь то постепенные реформы или шокотерапия. Падения производства не было бы и при шокотерапии (доказательство — Вьетнам). В Восточной Европе и СССР, напротив, более высокий уровень развития обернулся одновременно и большей степенью материализации диспропорций в виде деформированности основных фондов. Чтобы преодолеть эти диспропорции и перевести ресурсы из одних отраслей в другие, нужно было затратить больше инвестиций в сравнении с ВВП, а коль скоро этих инвестиций не было, падение производства оказалось неизбежным. Это, конечно, только в первом приближении.

Если в статистическом анализе учесть влияние исходных условий, то все равно получается, что фактический уровень производства в Китае и Вьетнаме превышает предсказываемый регрессионным уравнением, в Восточной Европе — тоже превышает, хоть и не так значительно, а в большинстве стран СНГ, наоборот, оказывается ниже предсказанных значений. Что общего между экономическими преобразованиями в Китае и Вьетнаме, с одной стороны, и в государствах Восточной Европы, с другой, кроме низкой инфляции в переходный период? Ответ довольно очевиден — сильные институты, прежде всего, государственные, в первом случае поддерживаемые авторитарными режимами, во втором — демократическими, но в обоих случаях, в отличие от стран СНГ, работающие, а не разваливающиеся. Исключения в регионе СНГ только подтверждают правило — это Беларусь, Туркменистан и Узбекистан, т. е. как раз те страны, которые известны не только своим отставанием в рыночных ре-

формах, но и сравнительно сильной и работающей государственной властью.

Один из возможных обобщающих показателей эффективности государственных институтов — степень доверия фирм и граждан к власти в том, что касается защиты экономических прав и свобод, поддержания нормального инвестиционного климата, и т. п. — здесь страны СНГ прочно занимают последнее место по результатам всех имеющихся опросов. По данным глобального опроса фирм в 69 странах о доверии государственным институтам, страны СНГ отстают от всех регионов, в том числе и от Африки, причем разрыв между Восточной Европой и странами СНГ больше, чем между Восточной Европой и Южной и Юго-Восточной Азией или Латинской Америкой.

Другим обобщенным измерителем эффективности институтов может служить финансовая мощь государства — доля государственных доходов в ВВП. Хотя немало было написано о «слишком большом» правительстве и слишком высоких налогах, теперь, видимо, большинство исследователей сходятся во мнении, что уход государства из экономики в странах СНГ зашел слишком далеко.

До рыночных реформ в бывшем СССР государство не только детально регламентировало экономическую жизнь, но и обладало не меньшей финансовой мощью, чем в странах Центральной Европы, перераспределяя через бюджет порядка 50 % ВВП. Это позволяло бесплатно предоставлять большой объем коллективных благ (образование, здравоохранение, наука) и высокий уровень социальной защиты. Во время перехода к рынку доля государственных доходов в ВВП стала снижаться во всех переходных экономиках. Однако в странах Центральной Европы и в Эстонии процесс вскоре был остановлен и даже повернут вспять, тогда как в большинстве стран СНГ и Юго-Восточной Европы он продолжался и привел к падению доли госдоходов в ВВП в 1,5—2 раза.

Во Вьетнаме доля госдоходов в ВВП возросла в 1989—1993 гг. в 1,5 раза. В Китае за все два десятилетия реформ доля госдоходов в ВВП упала более чем в 2 раза, однако, во-первых, основное падение пришлось на вторую половину 80-х гг., тогда как в первой половине 80-х гг. доходы государства были довольно стабильны, а с 1995 г. они вновь стали расти; во-вторых, снижение госдоходов было контролируемым (т. е. проводилось по инициативе государства, а не вопреки его политике); в-третьих, расходы на традиционные государственные функции в процентах к ВВП остались на неизменном уровне.

В Китае сокращение госрасходов относительно ВВП происходило за счет обороны, субсидий и инвестиций, тогда как расходы на «обычное правительство» (включающее в себя все остальное — от образования до правоохранительных органов) росли примерно тем же темпом, что и ВВП. В Польше госрасходы на «обычное правительство» и другие функции, хотя и снизились накануне перехода к рынку (т. е. когда прежний авторитарный режим разваливался), во время самих рыночных реформ даже несколько возросли. Наконец, в России сократились по отношению к ВВП не только расходы на оборону, субсидии и инвестиции, но также и расходы на «обычное правительство», что привело к подрыву институционального потенциала государства.

Да, верно, что в Китае расходы на «обычное правительство» в процентах к ВВП сейчас ниже, чем в Польше и в России, но они были такими и до реформ (1978 г.), так как расходы на социальное обеспечение из бюджета там были традиционно низки. Верно и то, что в России уровень расходов на «обычное правительство» не намного ниже, чем в Польше. Однако динамика этих расходов в реальном исчислении, т. е. в постоянных ценах, различается кардинально: если в Польше, где в 1996 г. ВВП превысил предкризисный уровень, реальные расходы на «обычное правительство» в 1989—1996 гг. выросли примерно на треть (в Китае они, кстати сказать, в 1979—1986 гг. почти удвоились), то в России, где ВВП в 1996 г. едва дотягивал до половины предкризисного уровня, реальные расходы на «обычное правительство» снизились почти в 3 раза! Надо ли говорить, что такое резкое снижение реальных объемов финансирования привело к фактическому разрушению старых государственных институтов и не оставило средств на создание новых?

При сокращении реальных государственных расходов аж в 2 раза, как это произошло в большинстве государств бывшего СССР и Юго-Восточной Европы в короткий промежуток времени — всего за несколько лет, практически не остается шансов компенсировать падение объема финансирования повышением эффективности институтов, так что способность государства гарантировать права собственников и исполнение контрактов, поддерживать закон и порядок и противодействовать криминализации катастрофически снижается.

Среди 30 переходных экономик только в нескольких не произошло резкого снижения доли госрасходов в ВВП в 90-е гг. — в Эстонии, во Вьетнаме и в странах Центральной Европы (Венгрии, Польше, Словакии, Словении, Чехии); менее резко, чем в других странах, снизилась доля госрасходов в ВВП в Узбекистане и Бела-

руси. Нетрудно заметить, что все перечисленные страны обнаруживают и самую благоприятную динамику ВВП: в Центральной Европе в 2000 г. ВВП чуть превысил предкризисный уровень 1989 г., в Узбекистане он составил 95 %, в Эстонии и Беларуси — около 80 %, в Туркменистане — 75 %, во всех остальных бывших советских республиках — менее 65 % (в России — 60 %). Здесь и альтернативное объяснение относительного эстонского успеха — эстонская экономика показывает результаты не хуже белорусской не столько благодаря высоким темпам либерализации, сколько из-за способности сохранить работающие институты (в отличие от других республик в Эстонии доля госрасходов в ВВП в переходный период не упала, а возросла).

Обычно в зрелых рыночных экономиках существует прямая связь между уровнем налогообложения, долей государственных доходов в ВВП и размерами теневой экономики: чем выше налоги, тем выше доходы государства и тем больше размеры подпольной экономики. В странах с высокими госдоходами (50 % и более от ВВП), таких как скандинавские государства, Голландия, теневая экономика относительно больше, чем в странах с низкими налоговыми поступлениями (Австралия, США, Швейцария, Япония). В переходных экономиках все наоборот: чем ниже уровень государственных доходов (и чем больше он снизился в последние годы), тем больше теневая экономика. Фактически в переходных экономиках наблюдался эффект вытеснения государства подпольным бизнесом «один к одному»: на каждый процентный пункт падения доли государственных доходов в ВВП приходится в среднем увеличение доли теневой экономики в ВВП тоже на 1 процентный пункт. Говоря иначе, динамика госдоходов довольно точно отражает способность государства добиваться исполнения законов и предписаний, а это и входит в понятие институционального потенциала.

В итоге, таким образом, получается следующая картина: масштабы падения/роста производства при переходе к рынку зависят от начальных условий — от уровня развития («преимущества отсталости») и накопленных за время централизованного планирования диспропорций в структуре экономики и внешней торговле, а также от способности сохранить эффективные институты во время либерализации. При этом темпы либерализации, которые обычно считаются важнейшей составляющей экономической политики, не играют особой роли.

Горбачевские реформы, иначе говоря, провалились не потому, что были постепенными или недостаточно демократическими, но из-за ослабления институтов государственной власти (накопление от-

ложенного потребительского спроса, рост теневой экономики и снижение бюджетных доходов, ослабление плановой дисциплины и т. п. — падение производства у нас началось еще при Горбачеве, в 1990 г. Подобным же образом ельцинские реформы привели к дальнейшему падению производства не потому, что были «слишком» радикальными или демократичными, но из-за продолжавшегося ослабления институтов (дальнейшее расширение теневой экономики и падение доходов бюджета, подрыв законности и правопорядка и т. д.). Урок, кажется, достаточно очевиден: никакая либерализация, ни моментальная, ни постепенная, если она сопровождается ослаблением институтов, не может привести к улучшению экономического положения. И, наоборот, при сильных институтах любая либерализация — и радикальная, и постепенная, и демократическая, и авторитарная — дает экономические дивиденды в виде роста производства.

История провалов и успехов переходного периода предстает, таким образом, отнюдь не как история последовательных (успешных) и непоследовательных (неудачных) реформ. Главный сюжет «романа» постсоциалистической трансформации — сохранение дееспособных институтов в одних странах (очень разных по прочим своим характеристикам, от Центральной Европы и Эстонии до Китая, Узбекистана и Беларуси) и их развал в остальных. Как минимум, на 90 % это история несостоятельности государства и его институтов (government failure), а не несостоятельности рынка и недостаточной либерализации (market failure).

И, наконец, последний фактор — макроэкономическая и промышленная политика. С инфляцией (макроэкономическая политика) в Китае практически всегда было все в порядке, даже лучше, чем в большинстве стран Восточной Европы, а в последние годы инфляции в Китае вообще нет, в 1998—2000 гг. цены снижались. Однако, кроме того, Китай выгодно отличался от европейских переходных экономик тем, что постоянно стимулировал экспорт и смог таким образом оседлать конек экспортно-ориентированного роста.

Есть два варианта промышленной политики — импортозамещение и поощрение экспорта. Грубо говоря, в рамках первого варианта приоритет отдается слабым и неконкурентоспособным отраслям, тогда как в рамках второго варианта стимулируются, напротив, сильные и конкурентоспособные отрасли. При импортозамещении госсубсидии идут в отрасли, которые не только не экспортируют свою продукцию, но и не могут конкурировать с импортом на внутреннем рынке. При экспортной ориентации, напротив, поддержка оказывается отраслям и предприятиям, которые уже прорвались на

внешний рынок или у которых есть хорошие шансы увеличить экспорт.

В экономической теории считается, что специализация страны на мировом рынке (какие именно товары страна экспортирует) определяется ее сравнительными преимуществами: у кого-то есть природные ресурсы (значит, можно вывозить сырье, производство которого дешево обходится), кто-то обладает большими резервами недорогой рабочей силы (тогда можно специализироваться на трудоемкой продукции), другие просто научились очень хорошо и дешево, лучше, чем кто-либо в мире, производить, скажем, бытовую электронику. Однако надо отдавать себе отчет в том, что эти сравнительные преимущества не даны странам раз и навсегда от бога (за исключением невозобновляемых ресурсов, доля которых в международной торговле уже невелика), а создаются в ходе развития, в том числе и в результате целенаправленной правительственной политики. Если, скажем, страна не производит электронику, а импортирует ее из-за границы и даже не пытается ее производить, то, видимо, никогда и не будет: ведь при освоении производства любого товара издержки всегда высоки, так что с точки зрения сиюминутной перспективы всегда лучше производить то, что уже умеешь. Тогда, однако, придется законсервировать структуру экспорта и отказаться от участия в мировых рынках многих «чужих» и постоянно возникающих новых продуктов. Большинство стран, если не все, признавать поражение без борьбы не желают и пытаются диверсифицировать экспорт. Какие отрасли поддерживать в первую очередь? Вот здесь-то и возникают варианты.

Можно поддерживать отрасли уже экспортирующие или с перспективой на экспорт, т. е. самые конкурентоспособные или ориентированные на то, чтобы стать таковыми (если не становятся и не начинают экспортировать, поддержка прекращается). А можно защитить внутренний рынок от иностранной конкуренции (скажем, высокими таможенными пошлинами) и при этом довольствоваться тем, что он снабжается отечественными производителями, не экспортирующими свою продукцию (импортозамещение). И в том, и в другом случае можно использовать протекционистскую защиту внутреннего рынка; разница в том, что одна эта защита — без стимулирования экспорта — ведет только к сохранению неэффективных производств, а такая же защита со стимулированием экспорта ведет не только к сохранению неэффективных производств, но и к их превращению в эффективные. При экспортной ориентации государство подталкивает развитие в том направлении, в котором рынок (мировой) уже движется, при импортозамещении, наоборот, идет против

рынка, гладит против шерсти. В своем крайнем варианте импортозамещение — это стратегия опоры на собственные силы, направленная на то, чтобы производить все внутри страны.

СССР периода индустриализации и дальше, коммунистический Китай до реформ, Латинская Америка и Индия до 90-х гг., развивающиеся страны социалистической ориентации — все эти государства и регионы практиковали именно импортозамещающую промышленную политику, стараясь обеспечить экономическую независимость. Везде, от Северной Кореи до Индии и от СССР до Латинской Америки, эти попытки неизменно заканчивались одним и тем же — созданием мертворожденных промышленных комплексов, которые еще могли кое-как функционировать в тепличной протекционистской среде, но которые рассыпались, как карточные домики, при первом столкновении с иностранной конкуренцией. При субсидировании слабых отраслей за счет сильных развитие неизменно заходило в тупик: сильные отрасли, из которых изымались средства, хирели, а слабые, хоть и поддерживаемые, но не работающие на экспорт, так и не становились жизнеспособными.

Другая стратегия — создание государством стимулов к перемещению ресурсов в конкурентоспособные и уже преуспевающие в экспорте отрасли, подталкивающая структурную перестройку в том направлении, в котором она уже идет, неумолимо увлекаемая силами мировой рыночной конкуренции. Она проводилась сначала в Японии, затем в Южной Корее, на Тайване, в Гонконге и Сингапуре, позже — в странах ЮВА и в Китае и привела к впечатляющим результатам. В Китае именно экспорт был мотором экономического роста, а доля экспорта в ВВП выросла с 5 % в 1978 г. до более 20 % сегодня. Как уже говорилось, все эти страны в разное время проводили схожую политику — всемерно поощряли национальные фирмы экспортировать производимую продукцию, даже когда эти фирмы и на национальном рынке занимали еще слабенькие позиции.

Способов поддержки экспорта много, но главным инструментом является занижение валютного курса через накопление валютных резервов центробанком: когда последний закупает валюту в размерах, превышающих предложение участников рынка, т. е. создает избыточный спрос на валюту, курс национальной денежной единицы понижается. Искусственная заниженность курса позволяет стимулировать экспорт, производство и сбережения через ограничение импорта и потребления.

Такой была стратегия Японии, Кореи, Тайваня и Сингапура несколько десятилетий назад, когда они еще были "бедными" и догоняли развитые страны; такова в последние десятилетия стратегия

государств Юго-Восточной Азии, которые поддерживают валютный курс на уровне 20—40 % ППС (Китай — ниже всех, всего 20 % ППС). В 1999 г. на Восточную Азию пришлось почти 60 % всех золотовалютных резервов мира. Только на Китай (включая Гонконг и Тайвань) приходится почти четверть всех мировых резервов. Отношение валютных резервов к ВВП почти во всех восточноазиатских странах превышает 20 % (кроме Японии — 7 %) против 5 % в среднем в мире и 1,5 % в США.

В Восточной Европе промышленная стратегия была более или менее нейтральной, т. е. государство не создавало особых привилегий ни сильным, ни слабым отраслям, а вот в СНГ, и особенно в России, эта стратегия была и остается ориентированной на импортозамещение. До макроэкономической стабилизации 1995—1998 гг. мы сдерживали рост внутренних цен на главные экспортные товары — нефть, газ, металлы — через экспортные пошлины и прямые ограничения; после стабилизации и до валютного кризиса 1998 г. мы поддерживали завышенный курс рубля, что подрывало позиции экспортеров; после кризиса мы опять сдерживаем рост внутренних цен на нефть и газ, так что они у нас в несколько раз ниже мировых. Поэтому производство и инвестиции в 90-е гг. у нас падали не только в слабых, неконкурентоспособных отраслях (сельское хозяйство, большинство секторов машиностроения, легкая промышленность), но и в самом что ни на есть конкурентоспособном сырьевом секторе (ТЭК, черная и цветная металлургия). А в Китае производство ни в каких отраслях не падало, просто в одних росло на 15 % в год, а в других на 5 %.

ВИКТОР ПОЛТЕРОВИЧ
*член-корреспондент РАН, заведующий лабораторией ЦЭМИ РАН,
профессор Российской экономической школы (РЭШ)*
ВЛАДИМИР ПОПОВ
доктор экономических наук, профессор РЭШ

Последняя надежда¹

Для развивающихся стран, не способных улучшить работу рыночных институтов, укрепить правопорядок и искоренить коррупцию, накопление золотовалютных резервов часто оказывается последним доступным средством стимулирования экономического роста.

Упрямый и до сих пор мало исследованный экономистами факт состоит в том, что страны, ускоренно накапливающие золотовалютные резервы, растут быстрее других. Все десять развивающихся стран, которым удалось в 1960—2000 гг. добиться повышения ВВП на душу населения на 3 % в год и больше, от Ботсваны до Малайзии, увеличили отношение резервов к ВВП за этот период на 10—20, а то и больше процентных пунктов. В последние три года быстро накапливает резервы и Россия: после августа 1998 г. резервы Банка России по абсолютной величине выросли вчетверо, превысив 48 млрд. долларов, а в относительной оценке резервы выросли с менее 5 % ВВП в среднем за 1993—1999 гг. до 11,1 % в 2000 г. и более 14 % ВВП сейчас.

Существует явная зависимость между темпами экономического роста и темпами накопления валютных резервов, независимо от того, как мерить резервы — по отношению к ВВП или по отношению к импорту. Статистический анализ показывает, что эта связь очень устойчива и сохраняется даже тогда, когда принимаются в расчет и другие традиционные факторы роста — доля инвестиций в ВВП, исходный уровень хозяйственного развития (ВВП на душу населения), темпы роста населения. Причем зависимость эта действует только

для развивающихся стран, а в развитых, богатых странах не просматривается.

Накопление резервов ведет к снижению не только номинального, но и реального валютного курса в сравнении с равновесным, поскольку повышение цен на товары, не являющиеся предметом международной торговли, не поспевает за номинальным обесцениванием валюты. Периоду быстрого роста, как правило, предшествует значительная девальвация в реальном исчислении — скажем, в Чили, единственной латиноамериканской стране, сумевшей увеличить ВВП на душу более чем на 3 % в год в 1975—1999 гг., реальный курс снизился в 1976—1981 гг. в два раза. В Китае, рост которого в комментариях не нуждается, реальный курс юаня в период реформ практически непрерывно снижался и в 1988 г. был в четыре раза ниже, чем в 1975 г., а затем таким низким и оставался. В Шри-Ланке и Индии, совсем недавно оседлавших конек роста, реальный курс упал вдвое в конце 70-х и в течение 80-х гг. соответственно. Бывает, что после значительного понижения реального курса, впоследствии, в ходе быстрого экономического роста, он несколько возрастает, как это было в Чили в 1985—1995 гг., оставаясь, однако, ниже первоначального уровня. В целом «экономические скороходы» в течение длительного времени поддерживали заниженный валютный курс.

Россия начала свое независимое существование с очень низкого курса рубля — после дерегулирования цен и введения конвертируемости в 1992 г. отношение российских цен к американским составило менее 10 %, затем возросло до 70 % накануне кризиса 1998 г., упало до 25 % сразу после кризиса и вновь возросло до 35—40 % сегодня. По пересмотренным недавно данным Мирового банка (которыми мы и пользовались при сравнении разных стран), соотношение это значительно ниже, но тенденции его изменения те же — 14 % в 1993 г., 40 % в 1996—1997 гг., 17 % в 1999 г. и около 25 % сегодня.

Случайность, побочный эффект или экономическая политика?

Может быть, связь между накоплением резервов и экономическим ростом — не более, чем случайность? А может быть, накопление резервов — лишь следствие быстрого роста? Ветер дует, потому что деревья качаются, или наоборот? И вообще, зачем стране валютные резервы и сколько надо их иметь?

¹ Статья, опубликованная в «Эксперте» № 48 за 22 декабря 2002 г. Академический полный вариант: Polterovich V. Popov V. Accumulation of Foreign Exchange Reserves and Long Term Economic Growth <http://www.nes.ru/english/about/10th-Anniversary/papers-pdf/Popov-Polterovich.pdf> и <http://www.nes.ru/english/about/10th-Anniversary/papers-pdf/Popov-charts.pdf>.

Существующая теория опирается в основном на здравый смысл — считается, что резервы зависят от масштабов экономики, от объема внешней торговли, от степени подверженности последней нежелательным колебаниям мирохозяйственной конъюнктуры, от интенсивности трансграничных потоков капитала и от разницы между национальными и мировыми процентными ставками. Резервы должны быть достаточны для сальдирования платежного баланса без резкого изменения валютного курса. Больше не нужно, так как это дорого обходится — резервы, как и любой запас, могут быть созданы лишь за счет отвлечения средств и вкладываются в самые надежные мировые бумаги, процент по которым обычно значительно ниже национального.

Мы попытались объяснить резервы с помощью всех перечисленных и других факторов (уровень ВВП на душу населения, размеры платежей по обслуживанию долга, сам долг — краткосрочный и долгосрочный — в процентах к ВВП, капитальные потоки, относительные размеры и волатильность внешней торговли, сальдо баланса по текущим операциям, разница в мировых и национальных процентных ставках), но хорошего объяснения не получилось. Оказалось, что статистически устойчивая связь прослеживается только между резервами и относительным (в процентах к ВВП) размером внешней торговли. Больше торговля — больше резервы. Крупные страны, менее вовлеченные во внешнюю торговлю, чаще всего, хотя и далеко не всегда, имеют меньше резервов относительно ВВП, чем малые. Так, в 1999 г. отношение резервов к ВВП в США составило 1,5 %, в Японии — 7 %, в Китае — 16 %, в Индии — 8 %, а в Гонконге — 61 %, в Сингапуре — 90 %. В России в 1999 г., сразу после кризиса, это соотношение едва достигало 3 %. Однако даже после коррекции резервов на разные объемы внешней торговли межстрановые различия остаются огромными. С чем это связано? Почему у Ботсваны валютных резервов хватает для поддержания импорта в течение 24 месяцев, а у схожей по размерам внешней торговли Ямайки (40—50 % ВВП по ППС) не хватит и на два месяца?

Ответ, видимо, состоит в том, что эти межстрановые различия связаны с разной политикой — некоторые страны склонны накапливать резервы больше, чем остальные. В целом отношение резервов к ВВП в мире за последние 40 лет сильно колебалось из-за изменения цены на золото и составляет сейчас 6—7 % — чуть больше, чем в 1960 г. Однако, если исключить золото, доля которого в резервах сократилась сегодня до 10 % (только в США эта доля находится на уровне 50 %), то прослеживается известная тенденция к росту — с 2 % в 60-е гг., когда еще существовала бреттонвудская система твердых валютных паритетов, до 4 % в 70—80-е гг., когда преобла-

дали плавающие курсы, и до 6 % в 90-е гг., когда резко выросли масштабы международного движения капитала.

Только двенадцать стран увеличили резервы больше чем на 15 процентных пунктов ВВП в 1960—1999 гг. Среди них всем известные чемпионы роста (Ботсвана, Китай, Корея, Малайзия, Сингапур, Таиланд, Филиппины, Чили) и некоторые другие страны, страдающие от войн и политической нестабильности (Гайана, Гондурас, Израиль, Никарагуа). Ускоренное увеличение валютных запасов в этих странах, равно как и в ряде других — с менее значительным, но все же сильно опережающим рост внешней торговли накоплением резервов, — приходится объяснять государственной политикой (не важно, проводится ли она сознательно или на интуитивном уровне).

Издержками такой политики могут быть ускорение инфляции (если центробанк покупает валюту за счет выпуска денег в оборот), увеличение госдолга (если центробанк финансирует закупку валюты через продажу гособлигаций) и необходимость поддерживать профицит бюджета (если государство эти облигации тут же выкупает). Фактические данные не свидетельствуют о том, что в странах с ускоренным накоплением резервов инфляция была выше; как правило, эти страны поддерживали профицит бюджета, реже — имели чуть более высокий госдолг.

Накапливая резервы, мы фактически изымаем из экономики валюту, которую в ином случае можно было бы потратить на потребление или инвестиции. Как же такая политика может стимулировать рост? И почему в одних странах она приводит к ускорению роста, а в других нет?

Механизм роста, ведомого резервами

Наш анализ всей доступной нам статистики (около 50 стран в период 1960—1999 гг. и около 100 в 1975—1999 гг.) позволяет выделить несколько механизмов стимулирования роста через накопление резервов.

Исходной точкой процесса выступает сознательное снижение реального курса местной валюты за счет скупки национальным банком иностранной валюты в свой резерв. Снижение курса ведет к падению относительной зарплаты и относительных цен на товары и услуги, не вовлеченных во внешнюю торговлю (nontradables), — так, как это было в России после августовского кризиса 1998 г. Поскольку номинальные заработки и цены nontradables отстают от повышения цен на торгуемые товары (tradables) в результате девальвации, по-

вышается прибыльность и создается потенциал роста. Такой механизм должен сработать в любой стране — и развитой, и развивающейся, беда только в том, что он недолговечен и может снизить потребление — по крайней мере, на первых порах. Через некоторое время более высокая прибыльность трансформируется в расширение производства и инвестиций, что ведет к росту спроса на труд и nontradables и повышению относительных цен на них, что, в свою очередь, подрывает прибыльность и возвращает экономику к додевальвационным темпам роста.

Если политика накопления резервов продолжается, то экономические агенты к ней привыкают и вносят поправки в свои ожидания, так что все возвращается на круги своя. Если же такие толчки, или своего рода «форсажи», повторяются периодически и неожиданно, то они могут, видимо, даже поднять темпы роста даже в долгосрочной перспективе, однако имеют тот недостаток, что вносят дополнительную неопределенность в изменение ценовых пропорций, что, в общем, вредно для роста. Так или иначе, похоже, в среднесрочном плане такая политика и в самом деле работает — в странах, ускоренно накапливающих резервы, доля инвестиций в ВВП выше.

Далее, накопление резервов и низкий курс стимулируют экспортно-ориентированный рост, который позволяет получить выгоды от равнения местных производителей на мировой, а не национальный рынок. Собственно говоря, любое укрепление связи с мировым рынком — и через импорт, и через экспорт — дает выигрыш от международной специализации. Похоже, однако, что экономика развивающейся страны больше выигрывает от облегчения доступа национальным производителям на мировой рынок через девальвацию, чем от удешевления импорта из-за ревальвации. Свидетельство тому — успех политики экспортно-ориентированного роста и проблемы с импортозамещающей моделью развития.

Наконец, на определенной стадии ускорения роста срабатывает еще один механизм — накопление резервов помогает привлечь прямые иностранные инвестиции, поскольку заниженный валютный курс удешевляет национальные активы в долларовом исчислении. Кроме того — и это не менее важно, — инвесторы воспринимают устойчивую способность властей накапливать резервы как сигнал, свидетельствующий о силе правительства и серьезности его намерений. Последовательность в политике вообще дорого ценится — она свидетельствует о высокой степени консенсуса среди элиты и о способности правительства противостоять неблагоприятной конъюнктуре.

Так или иначе, существует очень сильная связь между накоплением резервов в предшествующие 10—20 лет и притоком прямых

иностранных инвестиций. Китаю удалось запустить этот механизм привлечения осозаемых объемов прямых иностранных инвестиций только с начала 90-х гг., через пятнадцать лет после начала экономических реформ и провозглашения политики открытых дверей, а до этого, несмотря на быстрый экономический рост и накопление резервов, прямые иностранные инвестиции исчислялись только несколькими миллиардами долларов, как сейчас в России, а не десятками миллиардов ежегодно, как с середины 90-х гг.

Когда начинается масштабный приток прямых инвестиций из-за границы, резервы начинают расти и по этой причине, так что возникает выбор: допустить некоторое повышение реального валютного курса, потратив резервы на что-нибудь полезное, или препятствовать его повышению, направляя весь приток капитала на накопление резервов. Преждевременный отказ от политики низкого курса может привести к замедлению роста. Многие страны не устояли против соблазна потратить резервы, но Китай, надо сказать, как раз устоял, поддерживая реальный курс в 90-е гг. на уровне 20—25 % от ППС и даже проведя 30-процентную девальвацию юаня в 1994 г. в ответ на ускорение инфляции и ухудшение торгового баланса.

Впрочем, если в стране уже создан эффективный экспортный сектор и установился привлекательный инвестиционный климат, то не страшно, если реальный валютный курс повысится в результате притока иностранных инвестиций, превосходящего накопление резервов. Экономика продолжит рост, поддерживаемый активностью инвесторов. Именно так (с известными вариациями, разумеется) развивались события в Японии, Корее, на Тайване, в Гонконге и Сингапуре — в пяти странах, которые в прошлом веке сумели превратиться из развивающихся в развитые. Теперь они не поддерживают заниженный курс и не накапливают резервы. Сегодня они уже на другой стадии развития, когда приоритетный рост экспорта не столь важен (так как внутренний рынок уже интегрирован с мировым), а для привлечения иностранных инвестиций не нужны демонстрационные эффекты (предсказуемость политики в развитой стране и так высока, а о предполагаемой доходности вложений инвесторам сигнализирует отлаженный рынок ценных бумаг).

Вместо послесловия

Итак, накопление резервов не является ни необходимым, ни достаточным условием роста. В стране может быть плохой инвестиционный климат или того хуже, идет война, так что, несмотря на накопление резервов, темпы роста отрицательные; а может быть, как в развитых странах, при хороших институтах и работающем рынке,

можно выйти на оптимальную траекторию роста и без потерь в виде накопления валютных резервов. Тем не менее, для стран, которым трудно добиться повышения темпов роста другими мерами, которые не могут улучшить институты, укрепить правопорядок и искоренить коррупцию, накопление резервов часто оказывается последним доступным средством стимулирования роста.

Россия, серьезно поднакопившая валютные резервы после кризиса 1998 г., пока что пребывает в самом начале процесса роста, ведомого резервами. Нужно ли нам стимулировать экспорт? Экспорт-то у нас в основном сырьевой, а потенциальный выигрыш от экспортной экстерналии связан главным образом с вывозом продукции высокой степени обработки. Чтобы получить в полной мере дивиденды от накопления резервов, необходим механизм инвестирования растущих доходов от экспорта сырья в несырьевые отрасли. Тогда начнется экспорт машин и оборудования, российский рост перестанет зависеть от конъюнктуры нефтяного рынка, и выгоды от международной специализации и создания новых рабочих мест получат российские, а не западные потребители. Сможем ли мы и дальше накапливать резервы? Или же, как только цены на нефть понизятся, мы станем тратить резервы и ревальвируем реальный курс, чтобы поддержать импорт, обесценив сделанные в последние 4 года вложения в политику, уже начавшую приносить выгоды и сулящую еще большие выгоды в будущем?